

Точно как на небесах

Автор:

Джулия Куин

Точно как на небесах

Джулия Куин

Чем могут заняться благонаправная светская девица и лучший друг ее старшего брата?

Пережить худший концерт в истории Англии? Да.

Разделить пополам шоколадный торт? Да.

Влюбиться друг в друга? Ни за что!

Нет, Гонория Смайт-Смит вовсе не мечтает о Маркусе. И конечно же, Маркус Холройд думать не думает о Гонории. Разве это любовь?

Это – страстная любовь. Неистовая любовь. Потрясающая любовь!

Джулия Куин

Точно как на небесах

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Rowland & Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Точно как на небесах: роман / Джулия Куин;

© Julie Cotler Pottinger, 2011

© Перевод. И.А. Франк-Каменецкая, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Пролог

В сущности, Маркус Холройд всегда был одинок.

В четыре года он лишился матери, но это печальное событие на удивление мало затронуло его жизнь. Графиня Чаттерис следовала примеру своей матушки и растила сына так, как растили ее саму, то есть – издалека. Впрочем, она отнеслась к делу со всей возможной ответственностью и весьма гордилась собой, приложив массу усилий и отыскав наследнику мужа самую лучшую няню. Мисс Пимм давным-давно перешагнула пятидесятилетний рубеж и успела выпестовать двух будущих герцогов и виконта, а посему леди Чаттерис передала ей младенца с рук на руки, предупредила, что граф не переносит землянику и, очевидно, от ребенка следует ожидать того же, и со спокойной душой упорхнула в Лондон – вкушать удовольствия светского сезона.

Маркус виделся с матерью от случая к случаю, и таких случаев к моменту ее кончины набралось ровно семь.

Лорд Чаттерис в отличие от супруги испытывал некоторую тягу к деревенской жизни и относительно часто навещался в Фензмор – обширное поместье на севере графства Кембриджшир с величественным господским домом немыслимых пропорций в готическом стиле эпохи Тюдоров – родовое гнездо многих поколений Холройдов. Однако он тоже следовал примеру своего батюшки и растил сына так, как растили его самого, то есть позаботился о том, чтобы ребенка с трех лет приучали к верховой езде, и отложил всякое общение с ним до тех времен, когда мальчик будет в состоянии поддерживать более или менее осмысленную беседу.

Овдовев и вовсе не горя желанием повторно жениться, отец принужден был обратить на единственного наследника пристальное внимание. Приглядевшись, он нашел своего отпрыска вполне сообразительным, великолепно физически развитым и обладающим удивительной наружностью. Но главное – ребенок отличался завидным, прямо-таки богатырским здоровьем. Полное отсутствие каких-либо признаков, указывавших на то, что Маркус может ни с того ни с сего взять да и покинуть этот мир, избавило графа от необходимости по второму кругу подвергать себя сомнительным радостям подбора и – тем паче! – обретения новой спутницы жизни. Он предпочел не распылять силы и средства, а вложить их в сына.

У Маркуса были отменные преподаватели. Его обучали всему, что должен знать и уметь подрастающий джентльмен. Он знал названия всех видов местной флоры и фауны. Ездил верхом так, словно родился в седле. Владел шпагой и стрелковым оружием если не блестяще, то по крайней мере очень и очень неплохо. Решал длинные, запутанные арифметические задачи без единой пометки. Бегло читал тексты на латыни и греческом.

Таков был примерный список его достижений к двенадцати годам.

Именно тогда отец, кажется, пришел к выводу, что сын созрел для более или менее осмысленных бесед. И тотчас (надо же, какое совпадение!) принял решение перейти к следующей образовательной ступени, то есть – отправить Маркуса из Фензмора в Итон, где все Холройды из поколения в поколение начинали приобщаться к фундаментальным наукам. Расставание с домом неожиданно обернулось самой большой удачей в жизни мальчика. Потому как до отъезда в колледж у Маркуса Холройда, будущего графа Чаттериса, не было друзей. Или хотя бы приятелей.

Ни одного. В Северном Кембриджшире не нашлось подходящих детей. Из аристократических фамилий в здешних пределах обитали еще только Крауленды, однако их потомство составляли исключительно девочки. В семействе другого соседа – сквайра, – менее родовитом, хотя вполне почтенном, имелись сыновья. Но они совершенно не подходили по возрасту. Крестьяне и лавочники, разумеется, в расчет не принимались, и лорд Чаттерис попросту нанял дополнительных учителей. Если ребенок постоянно занят, ему некогда чувствовать себя одиноким. К тому же граф и мысли не допускал, что его наследник может захотеть носиться по окрестным полям с шумной оравой

малолетних простолюдинов.

Возможно, Маркус в этом вопросе придерживался несколько иной точки зрения. Но его светлость не удосужился поинтересоваться мнением сына. Они виделись один раз в день перед вечерней трапезой. Встреча длилась не больше десяти минут, затем Маркус поднимался в детскую, а граф отправлялся в обеденный зал. Вот и все.

Оглядываясь назад, Маркус часто думал о том, каким чудом его жизнь в Итоне не превратилась в сущий кошмар. Ведь он понятия не имел, как общаться со сверстниками. В первый день, когда все остальные мальчики бегали и резвились наподобие «дичайших дикарей» (так их охарактеризовал сопровождавший его в поездке камердинер отца), Маркус стоял в стороне, изо всех сил делая вид, что ему нравится стоять на отшибе и вовсе не интересно смотреть на однокашников.

Он не знал, как себя вести. Не знал, что сказать.

А Дэниел Смайт-Смит знал.

У Дэниела Смайт-Смита, наследника графа Уинстеда, было пять родных сестер и три с лишним десятка кузенов и кузин. С таким опытом он легко и свободно освоился в новой обстановке и через несколько часов стал общепризнанным королем младших воспитанников Итона. Улыбчивый, уверенный в себе, открытый и энергичный – он со всеми находил общий язык и был прирожденным лидером, способным мгновенно принимать решения как в серьезных делах, так и во всякого рода шалостях. Именно он оказался непосредственным соседом Маркуса по дормиторию[1 - Дормиторий – спальное помещение для большого количества людей.]*.

Вскоре они стали наилучшими друзьями, и после первого учебного полугодия Маркус с радостью принял приглашение погостить у Дэниела. Семейство Смайт-Смит проживало в поместье Уиппл-Хилл неподалеку от Виндзора, что позволяло Дэниелу часто навещать родных. Тогда как Маркус... Нет, конечно, Северный Кембриджшир не Шотландия, но тоже не ближний свет – туда меньше, чем за день, не доберешься. Вдобавок лорд Чаттерис в школьные годы никогда не приезжал домой на зимние каникулы и не усматривал никаких причин к тому, чтобы его сын поступал противоположным образом.

Поэтому когда приблизились следующие каникулы и Дэниел вновь пригласил Маркуса, он опять согласился.

А потом еще раз.

И еще.

В результате получилось, что Маркус проводил куда больше времени со Смайт-Смитами, чем со своей семьей. Правда, его семья состояла всего из одного человека, и все же, если подумать (а Маркус думал об этом довольно часто), он общался с каждым отдельно взятым представителем гостеприимного семейства друга больше, чем с собственным отцом.

Даже с Гонорией.

Гонория была самой младшей сестрой Дэниела, и от предпоследней ее отделяли добрые пять лет. Она, так сказать, замыкала семью. И вероятно, появилась на свет благодаря счастливой случайности, ознаменовавшей завершение впечатляющих успехов леди Уинстед на ниве деторождения.

Однако пять лет – дистанция огромного размера. Особенно если человеку всего шесть. Именно столько было Гонории, когда Маркус познакомился с ней. К тому времени три старшие сестрицы то ли уже успели обзавестись мужьями, то ли вот-вот собирались замуж (он точно не помнил), а четвертая, одиннадцатилетняя Шарлотта, попросту не желала иметь дела со всякой «мелюзгой». Дэниел тоже. Но очевидно, разлука усиливает любовь, потому что стоило ему приехать из школы домой, и он незамедлительно превращался в объект преследования: Гонория, как щенок, ходила за ним по пятам.

Так было и в то утро, когда мальчики отправились на озеро.

– Не встречайся с ней глазами, – предупредил Дэниел, ускоряя шаг. – Если она поймет, что ее заметили, – все пропало.

Не оборачиваясь, они сосредоточенно шли своей дорогой. Им хотелось спокойно порыбачить. В прошлый раз Гонория увязалась за ними и выпустила всех червяков.

- Дэниел! - окликнула она.

- Не обращай внимания, - пробормотал Дэниел.

- Дэниел!!! - крик перерос в отчаянный вопль. Дэниел вздрогнул.

- Скорее. Если мы успеем добраться до леса, она нас не найдет.

- Она знает, где озеро, - справедливости ради напомнил Маркус.

- Да, но...

- Дэниел!!!

- ...ей известно, что с нее голову снимут, если она в одиночку войдет в лес. Даже у нее хватит мозгов не доводить маму до белого каления.

- Дэн... - она оборвала себя на полуслове. А потом невыносимо жалобным голосом позвала: - Маркус?

Маркус не выдержал и обернулся.

- Не-е-ет! - простонал Дэниел.

- Маркус! - Гонория радостно пискнула, вприпрыжку устремилась за ними и, чуть обогнав, остановилась. - Что вы собираетесь делать?

- Мы собираемся на рыбалку, - прорычал Дэниел. - И не собираемся брать тебя с собой.

- Но мне нравится ловить рыбу.

- Мне тоже. Без тебя.

Ее лицо сморщилось.

- Не плачь, - быстро отреагировал Маркус. Дэниел нисколько не смягчился:

- Она притворяется.

- Только не плачь, - повторил Маркус, и впрямь считая это ужасно важным.

- Не буду, - согласилась она, взмахнув ресницами, - если вы разрешите мне пойти с вами.

Мыслимое ли дело в шесть лет уметь вот так управляться со своими ресницами? Хотя, быть может, Маркус переоценил ее мастерство, потому что мгновение спустя она захныкала и принялась тереть глаза.

- Теперь в чем дело? - поинтересовался Дэниел.

- Мне что-то попало в глаз.

- Вероятно, муха, - съехидничал Дэниел.

Гонория взвизгнула.

- Зря ты это сказал, - заметил Маркус.

- Уберите ее! Уберите! Уберите! - верещала она.

- Ладно, угомонись, - прикрикнул Дэниел. - Ничего страшного.

Но она продолжала истошно вопить, шлепая себя по щекам. В конце концов Маркус схватил маленькие ручонки и прижал их к ее вискам, не давая ей мотать головой.

- Гонория, - строго произнес он. - Гонория! Она моргнула, всхлипнула и затихла.

- Мухи нет, - сообщил он.

- Но...

– Наверное, просто ресница попала в глаз. Рот Гонории сложился в маленькую букву «о».

– Я могу отпустить тебя? Она кивнула.

– Ты не начнешь визжать? Она отрицательно замотала головой. Немного помедлив, Маркус разжал руки и сделал шаг назад.

– Можно мне пойти с вами? – спросила она.

– Нет! – рявкнул Дэниел.

И честно говоря, Маркус вполне разделял его мнение. Ну что за интерес водить компанию с шестилетним ребенком? Тем более – с девчонкой?

– У нас очень много дел, – сказал он, явно проигрывая Дэниелу в свирепости.

– Пожалуйста...

Маркус тяжело вздохнул. Она выглядела до невозможности жалкой. На щеках еще не высохли слезы. Мягкие, абсолютно прямые каштановые волосы, расчесанные на косой пробор и прихваченные сзади заколкой, беспомощно свисали до плеч. А глаза – почти такого же, как у Дэниела, необычного лиловато-синего оттенка – были огромные, заплаканные и...

– Я тебя предупреждал, не встречайся с ней глазами, – напомнил Дэниел.

Маркус снова вздохнул и сдался.

– Ну может быть, в виде исключения.

– Чудесно! – Она подпрыгнула, словно удивленная кошка, и одарила Маркуса горячим, но, к счастью, коротким объятием. – О, Маркус, спасибо! Большое спасибо! Ты самый лучший! Лучший из лучших! – Она прищурилась и метнула пугающе недетский взгляд на брата: – А ты – нет.

Дэниел отплатил ей той же монетой:

- С удовольствием побуду худшим из худших.

- Мне все равно, - заявила она и взяла Маркуса за руку. - Пойдем?

Он взглянул на пальцы, сжимавшие его ладонь. Ему стало неловко, пожалуй, даже неприятно. Странная нервозность стремительно переросла в настоящую панику. Он лихорадочно пытался припомнить, кто и когда в последний раз брал его за руку. Может, няня? Нет, она предпочитала стискивать его запястье. Так ей было удобнее, если верить тому, что она говорила домоправительнице.

Тогда, возможно, отец? Или мать, когда-нибудь очень давно?

Его сердце билось часто-часто, а маленькая ладошка Гонории вдруг стала скользкой. Должно быть, кто-то вспотел. Он, она или оба. Но Маркус не сомневался - дело именно в нем.

Он посмотрел на Гонорию. Она лучезарно улыбнулась ему.

Он выпустил ее руку и смущенно пробормотал:

- Э-э, нам надо спешить, а то стемнеет.

Оба Смайт-Смита с любопытством уставились на него.

- Сейчас всего лишь полдень, - сказал Дэниел. - Сколько времени ты собираешься рыбачить?

- Не знаю, - уклончиво ответил Маркус. - Трудно сказать заранее.

Дэниел покачал головой:

- Отец недавно распорядился выпустить в озеро молодняк. Теперь, чтобы поймать рыбу, достаточно зачерпнуть воду башмаком.

Гонория восторженно ахнула.

Дэниел молниеносно повернулся к ней:

- Даже не думай об этом.

- Но...

- Если мои башмаки окажутся рядом с водой, клянусь - от тебя только мокрое место останется.

Она обиженно надула губы и, опустив глаза, пробурчала:

- Я думала о своих башмаках.

Маркус тихонько прыснул. Гонория немедленно подняла голову и укоризненно взглянула на него, явно заподозрив в предательстве.

- Просто это была бы очень маленькая рыбка, - поспешно объяснил он.

Казалось, такое оправдание ее не удовлетворило.

- Мелкую рыбешку невозможно есть, - продолжил он. - В ней одни кости.

- Пошли, - скомандовал Дэниел.

И они направились в лес, петляя между деревьями и задав двойную работу маленьким ножкам Гонории. Ей пришлось изрядно потрудиться, чтобы не отстать, и тем не менее у нее хватало сил болтать без умолку.

- Вообще-то мне не нравится рыба, - поведала она для начала. - У нее противный запах. И вкус какой-то подозрительный...

И потом, уже на обратном пути:

– ...все-таки мне кажется, та, розовенькая, была достаточно крупной. Она подошла бы для еды. Тем, кто любит рыбу, которую я не люблю. Ну, если кто-то действительно любит рыбу...

– Больше никогда не зови ее с нами, – сказал Дэниел Маркусу.

– ...которую я не люблю. Но думаю, мама любит рыбу. Не сомневаюсь, ей понравилась бы та розовенькая рыбка...

– Не позову, – заверил Маркус. Конечно, верх невоспитанности осуждать маленькую девочку, но она была невыносимо назойливой.

– ...хотя Шарлотте не понравилась бы. Шарлотта ненавидит розовое. Никогда не наденет ничего подобного. Она говорит, что в розовом выглядит худосочной. Правда, я не знаю, что такое «худосочная», но звучит довольно-таки неприятно. Мне лично нравится лавандовая расцветка.

Мальчики хором вздохнули. Они не собирались останавливаться, однако Гонория выскочила вперед и, преградив им путь, с широкой улыбкой оповестила:

– Она подходит к моим глазам.

– Кто? Рыба? – удивился Маркус и заглянул в ведро, которое нес. Там плескались три превосходные крупные форели. Их могло быть больше, если бы Гонория не опрокинула ведро. Она сделала это случайно, но два законных трофея Маркуса преспокойно отправились обратно в озеро.

– Нет. Ты что, совсем меня не слушаешь, да?

Этот момент Маркус запомнил навсегда. Впервые в жизни он столкнулся лицом к лицу с худшим проявлением того, что называется женской логикой, а именно – с возмутительной манерой огорошивать собеседника каверзным вопросом, на который в принципе невозможно ответить правильно.

– К моим глазам подходит лавандовая расцветка, – чрезвычайно авторитетно сообщила Гонория. – Так говорит мой папа.

- Ну значит, так оно и есть, - с облегчением согласился Маркус.

Она намотала на палец прядь волос, но локон распрямился, как только она его отпустила.

- А коричневый цвет подходит к моим волосам, но мне больше нравится лавандовый.

Маркус поставил ведро на землю. Оно было ужасно тяжелым, а ручка резала ладонь.

- Нет уж, - возмутился Дэниел, хватая ведро свободной рукой и возвращая его Маркусу. - Мы идем домой. - Дэниел посмотрел на Гонорию: - Прочь с дороги.

- Почему ты добрый со всеми, кроме меня? - спросила она.

- Потому что ты прилипала! - отрезал он.

Что правда, то правда, но все-таки Маркус сочувствовал Гонории. По крайней мере иногда. Ведь она находилась в положении единственного ребенка среди взрослых, а он отлично знал, каково это. Ей хотелось участвовать в жизни семьи, в играх, развлечениях, вечеринках, словом, во всем том, для чего она, по общему убеждению, была еще слишком мала.

Гонория не стала отвечать оскорблением на оскорбление, но и дорогу не освободила. Некоторое время она молча сверлила брата гневным взглядом. Потом шумно шмыгнула носом.

Маркус пожалел, что не захватил из дома носовой платок.

- Маркус. - Теперь она смотрела только на него, словно ее брата тут и вовсе не было. - Не хочешь ли ты выпить со мной чашечку чая и поиграть?

Дэниел насмешливо фыркнул.

- Я принесу своих лучших кукол, - очень серьезно сказала она.

Боже, что угодно, только не это!

- А еще будут пирожные, - добавила она тоненьким жеманным голоском, вселившим в Маркуса смертельный ужас.

Он бросил панический взгляд на Дэниела, однако помощи не последовало.

- Ты согласен? - требовательно спросила Гонория.

- Нет, - выпалил Маркус.

- Нет? - переспросила она, не сводя с него пристального, немигающего взгляда.

- Не могу. Я занят.

- Чем?

Маркус кашлянул. Дважды.

- Делами.

- Какими делами?

- Разными. - Он чувствовал себя ужасно и попытался сгладить неловкость: - У нас с Дэниелом есть кое-какие планы.

Гонория явно обиделась. У нее задрожала нижняя губа, и на сей раз Маркус точно знал, что это не притворство.

- Мне очень жаль, - добавил он.

Ему страшно не хотелось огорчить ее. Но Боже милостивый, чаепитие! Где это видано, чтобы двенадцатилетний мальчик пожелал принять участие в подобного рода мероприятии.

С куклами.

Маркуса передернуло.

Гонория резко повернулась к брату, и ее лицо покраснело от злости.

– Это ты заставил его отказаться.

– Я не произнес ни слова, – ответил Дэниел.

– Ненавижу тебя, – прошептала Гонория. – Ненавижу вас обоих. – Она внезапно перешла на крик: – Я вас ненавижу! Особенно тебя, Маркус! Я тебя по-настоящему ненавижу!

После этого она со всех ног побежала к дому. А поскольку ножки у нее были худые и маленькие, то бежала она, откровенно говоря, не очень быстро. Маркус и Дэниел молча стояли и смотрели ей вслед.

Она была уже у самого дома, когда Дэниел кивнул и сказал:

– Она тебя ненавидит. Теперь ты полноправный член семьи.

Так оно и вышло. Он был членом их семьи с той самой минуты и до весны 1821 года, когда все рухнуло. Из-за Дэниела.

Глава 1

Март 1824 года

Кембридж, Англия

Леди Гонория Смайт-Смит пребывала в отчаянии.

Ей отчаянно надоела плохая погода, отчаянно хотелось замуж и – она с тоской посмотрела на свои загубленные голубые туфли – отчаянно требовалась новая

пара обуви.

Усевшись на каменную скамью рядом с заведением, где, судя по вывеске, некий мистер Хиллефорд продавал «табак для взыскательных джентльменов», она прижалась к стене, отчаянно (опять это кошмарное слово!) пытаясь целиком уместиться под навесом. Дождь лил как из ведра. Не капал, не шел, не моросил, а именно лил. Лил немилосердно.

Если бы с небес грянул трубный глас и возвестил о новом всемирном потопе, она бы не сильно удивилась.

Однако трубного гласа пока не было, а вот зловоние было. Гонория терпеть не могла запах сигар, но запах плесени нравился ей еще меньше. А у мистера Хиллефорда с его табаком для джентльменов, не заботившихся о белизне зубов, по фасаду здания стелилась подозрительная черная субстанция, источавшая гнуснейший аромат.

Кем надо быть, чтобы отправиться за приятными покупками и оказаться в столь плачевном положении? Ответ напрашивался сам собой. Из всей компании только Гонория, одна-одинешенька, умудрилась попасть под дождь, в считанные секунды превратившийся в ливень. Остальные благополучно наслаждались теплом и уютом в расположенной на другой стороне улицы галантерейной лавке мисс Пиластер «Тысяча модных мелочей». Там предлагались роскошные товары самого изящного свойства и пахло куда лучше, чем у мистера Хиллефорда.

Там мисс Пиластер продавала духи, сухие лепестки роз и маленькие свечи с ароматом ванили.

А тут мистер Хиллефорд обрастал плесенью.

Гонория вздохнула. Все там, а она тут. Весьма символично.

Она задержалась у витрины с книжными новинками, пообещав подругам присоединиться к ним у мисс Пиластер через минуту, максимум через две. Две минуты обернулись пятью, и в тот момент, когда она собиралась перейти через дорогу, хляби небесные разверзлись, вынудив Гонорию искать убежище в единственной нише на южной стороне главной улицы Кембриджа.

Ливень разошелся вовсю. Дождевые струи, с невероятной силой обрушиваясь на мостовую, отскакивали от булыжника и взрывались в воздухе бесчисленными фонтанчиками брызг. В небе не наблюдалось ни малейшего просвета, напротив, оно стремительно темнело. Гонория нахмурилась. Если она хоть сколько-нибудь разбиралась в английской погоде, в любую секунду мог подняться ветер, и тогда ненадежное укрытие под навесом мистера Хиллефорда станет и вовсе бесполезным.

Чем дальше она всматривалась в отвратительные свинцовые тучи, тем ниже опускались уголки ее губ.

У нее промокли ноги.

Ей было холодно.

К тому же она никогда в жизни не покидала пределов Туманного Альбиона, а значит, действительно разбиралась в английском климате. Следовательно, не пройдет и трех минут, как она окажется в еще более бедственном положении.

Если такое вообще возможно.

– Гонория?

Моргнув от неожиданности, она перевела взгляд с неба на остановившийся перед ней экипаж.

– Гонория!

Знакомый голос.

– Маркус?

О Боже, только этого не хватало. Маркус Холройд, граф Чаттерис, сухой и довольный, в своей роскошной карете. Гонория попыталась стряхнуть с себя замешательство. Собственно говоря, в появлении Маркуса не было ничего удивительного. Во-первых, он жил в Кембриджшире, недалеко от города. А во-вторых, если вдуматься, ей просто на роду написано предстать перед ним в виде

мокрого, заляпанного грязью существа. Британия сильна традициями.

– Господи, Гонория, – произнес он, по обыкновению, взирая на нее свысока, – ты наверняка продрогла.

Она слегка пожала плечами:

– Сегодня свежо.

– Что ты здесь делаешь?

– Порчу туфли.

– Что?

– Пришла за покупками, – сказала она, указав рукой на галантерейную лавку. – С подружками. И кузинами.

Строго говоря, кузины тоже входили в число подруг. Или подруги в число кузин. Словом, кузин было так много, что они образовывали некое отдельное внушительное сообщество.

Дверца кареты открылась.

– Залезай, – распорядился он.

Обратите внимание – никаких: «Не будешь ли ты так любезна составить мне компанию» или «Пожалуйста, тебе необходимо согреться». Нет, просто: «Залезай».

Гордая девушка, конечно, тряхнула бы волосами и ответила: «Ты не смеешь мне приказывать!» Еще какая-нибудь девушка, чуть менее гордая, вероятно, не решилась бы произнести подобную сентенцию вслух, зато про себя – обязательно. Однако Гонория замерзла и готова была ради комфорта поступиться гордостью. Особенно в данном случае. Глупо разводить церемонии с Маркусом Холройдом. Ведь он знает ее с пеленок. Точнее, с шести лет.

Она поморщилась. Похоже, именно в этом возрасте ей удалось в последний раз подать себя в более или менее выгодном свете. К семи годам за ней прочно закрепилась репутация невыносимо назойливого создания. Маркус и ее брат Дэниел не знали, как от нее отделаться, и обзывали Москитом. А когда она заявила, что ей нравится такое необычное, даже опасное прозвище, они ухмыльнулись и тотчас придумали новое – Букашка.

Букашка прилипла к ней намертво.

А что касается мокрых туфель, Маркуса этим никак не удивишь. Он видел ее промокшей насквозь, хоть выжимай. Тогда ей было все восемь, и она взобралась на старый дуб в Уиппл-Хилле, чтобы посмотреть на крепость, которую Маркус и Дэниел выстроили у подножия холма. Разумеется, девчонки туда не допускались. Гонория чувствовала себя в полнейшей безопасности среди густой листвы. Какая наивность! Они быстро обнаружили ее и обстреливали галькой, пока она, потеряв равновесие, не рухнула вниз.

Мда... И чем ей так приглянулась ветка, нависавшая над озером?

Впрочем, из воды ее вытащил Маркус, а не ее собственный брат.

Маркус Холройд. Ей стало грустно. Она знала его целую вечность. Сколько помнила, столько и знала. Раньше он постоянно присутствовал в ее жизни. Раньше. До того, как стал лордом Чаттерисом, а Дэниел – лордом Уинстедом. До того, как Шарлотта, младшая из ее старших сестер, вышла замуж и уехала из родительского дома.

До того, как Дэниел тоже уехал.

– Гонория!

Она подняла глаза. В голосе Маркуса слышалось нетерпение, но в выражении лица просматривался слабый намек на благожелательное сочувствие.

– Залезай, – повторил он, протягивая ей руку.

Гонория послушно кивнула и, воспользовавшись предложенной помощью, поднялась в экипаж.

– Маркус, – начала она, пытаясь расположиться на подушках сиденья в позе элегантной непринужденности. Вероятно, в светской гостиной это было бы значительно проще, но изысканные манеры остаются изысканными манерами. Даже если под ногами образовались лужи. – Какой приятный сюрприз. Не ожидала тебя встретить.

Он едва заметно сдвинул темные брови, но не торопился с ответом. Очевидно, просто подбирал подходящие выражения, чтобы как следует отчитать ее.

– Я здесь в гостях. У Ройлов, – сообщила она, хотя он еще ни о чем не спрашивал. – Мы пробудем в городе пять дней. Нас четверо – я, Сесили Ройл и мои кузины, Сара и Айрис. – Она подождала, не появится ли в его глазах какой-нибудь проблеск узнавания, но ничего подобного не обнаружила. – Ты их совсем не помнишь, да?

– У тебя очень много кузин, – заметил он.

– Сара – яркая. У нее такие густые темные волосы и глаза.

– Густые глаза? – пробормотал он, чуть улыбнувшись.

– Маркус!

Он издал короткий смешок:

– Хорошо. Густые волосы. Темные глаза.

– Айрис выдержана в пастельных тонах. Очень бледная, рыжеватая блондинка, – подсказала она. – Ну как, припоминаешь?

– Очевидно, она произрастает в том самом цветочном семействе.

Гонория поморщилась. Действительно, ее дядюшка Уильям и тетушка Мэри пожелали дать своим дочерям имена: Роуз, Мэриголд, Лаванда, Айрис и Дейзи[2

- Мэриголд (Marigold) – по-английски «бархатцы», Айрис (Iris) – «ирис», Дейзи (Daisy) – «маргаритка»]*. Тем не менее он мог бы воздержаться от колкостей.

- Кто такая мисс Ройл, я знаю, – сказал Маркус.

- Еще бы ты ее не знал. Она твоя соседка.

Он пожал плечами.

- Как бы там ни было, сейчас мы в Кембридже. Мать Сесили полагает, что нам не мешает немного пополнить свои знания.

Он насмешливо выгнул бровь:

- Пополнить?

Гонории хотелось бы знать, от чего это девицам всегда надлежит «пополнять свои знания», тогда как представители противоположного пола спокойно посещают учебные заведения.

- Ей удалось задобрить двух профессоров. Они позволят нам послушать лекции.

- Неужели? – спросил он с любопытством. И с недоверием.

- Жизнь и правление королевы Елизаветы, – важно объявила она. – А потом кое-что на греческом.

- Ты владеешь греческим?

- Да, – призналась Гонория. – Но остальные ученые мужи категорически отказались иметь дело с особами женского пола. – Она вздохнула. – А «греческий» профессор для нас только повторит лекцию, которую прочитает непосредственно перед этим. Мы должны сидеть в кабинете и ждать, когда студенты покинут лекционную залу. Иначе они увидят нас и тотчас потеряют всяческое соображение.

Маркус согласно кивнул:

– Разумеется. Едва ли отыщется джентльмен, способный сосредоточиться на учебе в присутствии столь ослепительно прекрасных юных леди.

Приблизительно две секунды она верила в его серьезность, а потом искоса взглянула на него, от души рассмеялась и, выговорив только: «Ах, пожалуйста», слегка толкнула его локтем. В Лондоне подобная фамильярность выглядела бы беспримерной вольностью, но здесь, с Маркусом...

В конце концов, он был ей почти как брат.

– Как поживает твоя матушка? – спросил он.

– Спасибо, хорошо, – ответила Гонория, хотя...

Хотя самочувствие ее матери оставляло желать лучшего. Много лучшего. Скандал, повлекший за собой вынужденный отъезд Дэниела за границу, оказался слишком большим испытанием для леди Уинстед. Она стала чрезвычайно мнительной, полагала, что весь свет ополчился на ее единственного сына, и одновременно пыталась вести себя так, словно этого сына и вовсе никогда не существовало. Ее жизнь как-то... надломилась.

– Мама хочет поселиться в Бате, – добавила Гонория. – Там живет ее сестра. Надеюсь, им будет хорошо вместе. Ведь она не любит Лондон.

– Леди Уинстед? – удивился Маркус.

– Да. Теперь не любит, – пояснила она. – С тех пор как Дэниел... Ну, ты знаешь.

Маркус плотно сжал губы. Он знал.

– Ей кажется, что в свете все еще активно обсуждают эту историю.

– А на самом деле?

Гонория недоуменно пожала плечами:

– Понятия не имею. Не думаю. Со мною никто не раззнакомился, все ведут себя вполне любезно. Кроме того, прошло почти три года. Может быть, эта тема уже не кажется обществу такой занимательной? Как ты полагаешь?

– Я с самого начала не находил ее занимательной, – мрачно произнес он.

В наступившей тишине Гонория смотрела на его хмурое лицо. Не мудрено, что он сезон за сезоном наводил ужас на светских дебютанток. Все ее подруги и приятельницы взирали на него со страхом.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что они боялись Маркуса только в его присутствии. Зато потом усаживались за секретеры и часами переводили бумагу и чернила, сплетая его инициалы со своими в затейливые вензеля, для пущей красоты обрамленные сердечками и ангелочками.

Любая молодая особа мечтала составить счастье Маркуса Холройда в обмен на его руку и сердце.

Он не отличался безупречной красотой, вовсе нет. По-настоящему хороши были только темные волосы и карие глаза, а в остальном его черты казались Гонории несколько жесткими, если не грубыми. Слишком тяжелый лоб, слишком глубоко посаженные глаза, слишком сильный подбородок.

Однако было в его облике нечто такое, что невольно приковывало к нему внимание. Он всегда держался с холодной отстраненностью и едва уловимым презрением, словно ему претила всякого рода суета.

Это сводило с ума светских барышень, по большей части являвших собой воплощение всей и всяческой суеты.

Они говорили о нем с придыханием, как будто он был каким-нибудь мрачным сказочным героем или злодеем, таинственным и романтическим, который чрезвычайно нуждается в том, чтобы его наставили на путь истинный.

Для Гонории он был просто Маркусом, но в этом «просто» были свои сложности. Ее ужасно раздражало его покровительственное отношение и манера наблюдать за ней с недовольным видом. При нем она вечно чувствовала себя не взрослым человеком, а назойливым ребенком или нескладной девочкой-подростком.

Но в то же время с ним рядом ей было по-домашнему уютно, тепло и спокойно. Теперь их пути пересекались не так часто, как раньше – все изменилось после отъезда Дэниела, – но когда такое случалось...

В любом многолюдном собрании она безошибочно угадывала присутствие Маркуса, даже не видя его.

Просто входила и знала – он тут.

И как ни странно, это было приятно.

– Скоро начнется сезон. Ты собираешься в Лондон? – вежливо полюбопытствовала она.

– Через некоторое время, – неопределенно ответил он. – Пока дела удерживают меня здесь.

– Понятно.

– А ты? – спросил он.

Она растерянно моргнула.

– Ты собираешься в Лондон на сезон?

Она отказывалась верить собственным ушам. Он что, издевается? Мыслимое ли дело, чтобы девица на выданье не собиралась на Лондонский сезон? Можно подумать...

– Ты смеешься надо мной? – подозрительно поинтересовалась она.

- Нисколько, - возразил он. С улыбкой.

- Это не смешно, - возмутилась Гонория. - Можно подумать, у меня есть выбор. Мне обязательно надо ехать на сезон. Отчаянно необходимо.

- Отчаянно, - с явным недоверием повторил он.

Скептическое выражение часто появлялось на его лице.

- Я непременно должна найти себе мужа в этом году.

Она удрученно покачала головой. Вместо крика души получилось пустое, вздорное заявление. Какая банальность - барышня, мечтающая о свадьбе. В свете таких хоть пруд пруди. Однако Гонория стремилась обзавестись супругом не для того, чтобы продемонстрировать подругам обручальное кольцо и упиваться эффектным статусом молодой замужней дамы. Ей хотелось иметь свой дом. Семью - большую, шумную, в которой иногда непосредственное проявление чувств одерживает верх над хорошими манерами.

Она до смерти устала от гнетущей тишины опустевшего родительского дома, где порой за целый день не слышала ничего, кроме звука собственных шагов.

Ее могло спасти только замужество. Других вариантов не было.

- Ну, полно, Гонория, - сказал Маркус, и ей не требовалось смотреть на его лицо, потому что она и так отлично знала, какое на нем выражение - снисходительное, скептическое и немного сучающее. - Полагаю, твоя жизнь не настолько ужасна. Не стоит драматизировать ситуацию.

Гонория стиснула зубы. Такой тон совершенно выводил ее из себя и отбивал всякое желание что бы то ни было объяснять. Напрасный труд.

- Тут нечего обсуждать. Забудь, - пробормотала она.

Маркус умудрился даже вздохнуть с видом явного превосходства.

- Вряд ли ты найдешь мужа здесь.

Она плотно сжала губы, сожалея, что затронула эту тему.

- Студенты Кембриджа слишком молоды, - заметил он.

- Они того же возраста, что и я, - отозвалась она, угодив прямиком в расставленную ловушку.

Разумеется, Маркус не опустился до злорадства. Он просто сделал вывод:

- Вот зачем ты приехала в Кембридж? Чтобы завести знакомство с теми студентами, которые еще не отправились на каникулы в Лондон?

Глядя прямо перед собой, она упрямо произнесла:

- Я сказала тебе - мы приехали сюда, чтобы слушать лекции.

Он кивнул:

- На греческом.

- Маркус!

Он усмехнулся. Точнее, на его лице промелькнуло нечто, отдаленно напоминающее усмешку. Он всегда был таким серьезным, таким непроницаемо-сдержанным, что вместо усмешки у него получалась полуусмешка, а вместо улыбки - полуулыбка, и эти «мимолетные половинки» чаще всего ускользали от внимания окружающих. Слава Богу, Гонория знала его достаточно хорошо. Любой другой на ее месте подумал бы, что Маркус начисто лишен чувства юмора.

- Это по какому поводу?

Она вздрогнула и посмотрела на него:

- Что по какому поводу?

– Ты закатила глаза.

– Разве?

О Господи, Маркус в своем репертуаре. Откровенно говоря, Гонория понятия не имела, что там секунду назад происходило с ее глазами, и отнюдь не жаждала оставаться объектом столь пристального наблюдения.

Она посмотрела в окно:

– Как ты думаешь, дождь утих?

– Нет, – ответил он, не потрудившись повернуть голову хотя бы на дюйм.

В самом деле, зачем? Вопрос получился глупым, но ведь Гонория задала его исключительно для того, чтобы сменить тему. А дождь... Дождь по-прежнему беспощадно барабанил по крыше кареты.

– Давай я отвезу тебя к Ройлам, – любезно предложил Маркус.

– Нет, спасибо. – Гонория чуть вытянула шею и попыталась сквозь стекло окна, ливень и еще одно стекло, витринное, разглядеть, что творится в лавке мисс Пиластер. Разумеется, она ровным счетом ничего не увидела, зато получила прекрасную возможность под благовидным предлогом не смотреть на Маркуса. – Мне лучше присоединиться к подругам.

– Ты не голодна? – осведомился он. – Я заезжал в кондитерскую Флиндла и прихватил с собой немного пирожных.

У нее загорелись глаза.

– Пирожных?

Это слово она не столько произнесла, сколько выдохнула. Или даже простонала. Но ничуть не смутилась. Как только речь заходила о сладостях, между нею и Маркусом возникало полнейшее взаимопонимание. Они оба были отъявленными сладкоежками и при виде блюда с пирожными и печеньем частенько теряли

самообладание, наперегонки уплетая обожаемые лакомства.

Дэниел, относившийся к десерту весьма прохладно и наблюдавший эту картину со стороны, неизменно говорил, что они ведут себя «наподобие дичайших дикарей», и каждый раз Маркус в ответ оглушительно хохотал, а Гонория никак не могла понять, в чем причина столь бурного веселья.

Он наклонился и что-то достал из стоявшей у его ног коробки.

- Ты по-прежнему равнодушна к шоколаду?

- Более чем, - просияла Гонория от избытка чувств.

И возможно, от предвкушения тоже.

Он рассмеялся:

- Помнишь тот праздничный торт? Кухарка приготовила его...

- Тот самый? До которого добралась собака?

- Я с трудом удержался от слез.

- По-моему, я не удержалась.

- Я успел попробовать маленький кусочек.

- А я нет, - сокрушенно сказала она. - Но запах был изумительный.

- О да, - мечтательно протянул он, словно продлевая сладостные воспоминания. - И запах, и вкус.

- Пса звали Лютик. Знаешь, мне всегда казалось, что этот Лютик пробрался в дом не без помощи Дэниела.

– Конечно, это Дэниел все подстроил, – согласился Маркус. – Достаточно было взглянуть на его физиономию...

– Надеюсь, ты поколотил его?

– Я не оставил на нем живого места, – заверил он.

Она широко улыбнулась, но все же спросила:

– Ты преувеличиваешь?

– Немножко, – с улыбкой ответил он.

И протянул ей дивное шоколадное пирожное, аппетитно выглядывающее из белоснежной хрустящей обертки. А как оно пахло! Гонория глубоко вдохнула, радостно впитывая божественный аромат.

Потом посмотрела на Маркуса и опять улыбнулась. Потому что на мгновение почувствовала себя девочкой из недавнего прошлого. Той девочкой, которой принадлежал весь мир, яркий, солнечный, обещающий только счастье. До сих пор она даже не сознавала, как ей не хватает этого ощущения безмятежной легкости, возникающей, когда рядом есть кто-то, кто знает тебя целиком и полностью и с кем можно просто от души посмеяться.

Не странно ли, что таким человеком оказался именно Маркус?

Хотя если вдуматься, в этом не было ничего странного.

Она взяла у него пирожное и застыла в нерешительности.

– Боюсь, у меня нет никаких предметов сервировки, – смущенно произнес он.

– Может получится ужасный беспорядок, – отозвалась Гонория.

На самом деле это была завуалированная просьба, и понимать ее следовало так: «Пожалуйста, скажи, что тебе будет только приятно, если я усею крошками всю

твою карету».

И он сказал:

- Возьму-ка я тоже пирожное. Чтобы ты не чувствовала себя одиноко.

Гонория подавила улыбку.

- Очень великодушно с твоей стороны.

- Долг джентльмена велит мне поступить именно так.

- Съесть пирожное?

- Это одна из наименее обременительных составляющих долга джентльмена, - признал он.

Гонория хихикнула и наконец попробовала шоколадное лакомство.

- Ох!

- Вкусно?

- Божественно. - Она откусила еще кусочек. - Как на небесах. И даже выше.

Он хмыкнул, а потом открыл рот, раз... другой... И от шедевра кондитерского искусства ничего не осталось.

Гонория наблюдала за этим стремительным процессом в некотором изумлении. Конечно, пирожное было не слишком большим, но все-таки. Она предпочитала откусывать понемногу, чтобы растянуть удовольствие.

- Ты всегда так делала, - заметил Маркус. Она подняла глаза:

- Как?

– Специально ела свой десерт медленно, чтобы помучить остальных.

– Мне нравится есть вкусные вещи без спешки. – Она лукаво взглянула на него и пожала плечами. – А мучаешься ты или нет, меня не касается. Это твои трудности.

– Бессердечная, – проворчал он.

– С тобой – всегда.

Он рассмеялся. Опять. Удивительно. Неужели в частной жизни он оставался прежним Маркусом, таким, каким его привыкли видеть в Уиппл-Хилле? Там он был подлинным членом семьи Смайт-Смит и даже принимал участие в их кошмарных домашних спектаклях. Правда, ему неизменно доставалась роль дерева, и Гонорию это страшно забавляло.

Ей нравился тот Маркус. Она его просто обожала.

Но в последние годы он словно исчез, а его место занял молчаливый, сумрачный человек – лорд Чаттерис. И это было очень печально. Может быть, даже не столько для нее, сколько для него самого.

Старательно игнорируя насмешливые взгляды Маркуса, она неторопливо доела свое пирожное, затем милостиво приняла предложенный носовой платок, вытерла руки и, возвратив платок, поблагодарила:

– Спасибо.

Он кивнул.

– Когда ты собираешься...

Его прервал громкий стук в окно. Гонория посмотрела на маячившую за окном фигуру и различила знакомые цвета на ливрее.

– Прошу прощения, сэра, – сказал лакей. – Я ищу леди Гонорию.

- Она здесь.

- Это... э... - Гонория замялась. Она понятия не имела, как его зовут, но точно знала, что ему было поручено сопровождать компанию юных леди в походе за покупками. - Он служит у Ройлов. - Смущенно взглянув на Маркуса, она встала и пригнулась, чтобы выйти из кареты. - Мне пора. Подруги заждались.

- Я заеду навестить тебя завтра.

- Что?! - Гонория так и застыла в позе согбенной старушенции.

Маркус саркастически приподнял бровь:

- Уверен, почтенная дама, у которой ты гостишь, не станет возражать.

Гонория очень живо представила себе, как именно «не станет возражать» миссис Ройл, когда услышит, что ее дом намерен посетить неженатый граф идеального - чуть меньше тридцати - возраста. Потребуется немалые усилия, чтобы убедить ее не устраивать праздничные торжества с парадом.

- Я убеждена, что тебе окажут чудесный прием.

- Хорошо. - Он откашлялся. - Мы слишком долго не виделись.

Гонория посмотрела на него озадаченно. Наверняка он забывал о ее существовании, как только покидал Лондон, где они время от времени случайно встречались в светских гостиных.

- Рад, что ты в порядке, - отрывисто произнес он.

Гонория не могла понять, чем ее так поразило это банальное высказывание. Но в нем было что-то необычное.

Определенно было.

Убедившись в том, что Гонория в сопровождении лакея Ройлов благополучно добралась до галантерейной лавки и скрылась за дверью, Маркус три раза постучал по стенке экипажа, подавая знак кучеру. Карета тронулась с места.

Маркус удивился, увидев Гонорию в Кембридже. Не то чтобы он пристально следил за ней, но все-таки ему казалось несколько странным, что она гостит у его ближайших соседей, а он ничего об этом не знает.

Как и о том, каковы его собственные планы на предстоящий светский сезон. Более того, он даже не приступал к их обдумыванию, и отнюдь не по причине необыкновенной занятости. Нет, он не солгал, когда сказал Гонории, что у него много дел, но к этому следовало бы добавить одну немаловажную деталь – ему попросту не хотелось ехать в столицу. Дела служили скорее поводом, чем причиной, и вовсе не требовали его неотлучного присутствия в Кембриджшире.

Он терпеть не мог светские сезоны. Ненавидел их. Но раз уж Гонория преисполнилась желанием во что бы то ни стало срочно обзавестись мужем, значит, ему надо поехать в Лондон, проследить за ее действиями и не позволить ей совершить роковую ошибку.

В конце концов, он дал клятву.

Дэниел Смайт-Смит был его ближайшим другом. Вернее, единственным. Единственным настоящим другом.

Множество знакомых – и один настоящий друг.

Так распорядилась жизнь.

Но Дэниелу пришлось уехать. Теперь, если его последнее письмо не устарело, он находился где-то в Италии. Надежда на его возвращение оставалась весьма призрачной, покуда в Англии жил и здравствовал обуреваемый жаждой мести маркиз Рамсгейт.

История, начавшаяся как нелепое недоразумение, обернулась настоящим кошмаром. Маркус убеждал Дэниела не играть в карты с Хью Прентисом. Но нет, Дэниел лишь смеялся. Ему страшно хотелось попробовать свои силы. Прентис

всегда выигрывал. Всегда. Он был чертовски способным, этот умник Хью. Математика, физика, история – все давалось ему без труда, даже университетские профессора узнавали от него много нового. Садиться с ним за карточный стол было абсолютно бессмысленно. Он не ловчил, просто раз за разом выигрывал благодаря нечеловеческой памяти и особому устройству мозгов. Мир представлялся ему набором разной сложности схем и формул.

Во всяком случае, нечто подобное он говорил Маркусу, когда они учились в Итоне. Откровенно говоря, Маркус так до конца и не разобрался в его заумных объяснениях, хотя считался вторым лучшим учеником по математике. Но Хью... Он был вне конкуренции.

Трезвомыслящий человек никогда не стал бы играть в карты с Хью Прентисом, но в тот вечер Дэниел мыслил отнюдь не трезво. Он прибыл в компанию прямо из постели некой девицы, хорошенько выпил, сел напротив Хью и...

Выиграл.

Даже Маркус не мог в это поверить.

Не то чтобы он заподозрил Дэниела в нечестности. Никто не заподозрил Дэниела в нечестности. Все его любили. Все ему доверяли. И одновременно все знали, что у Хью Прентиса выиграть невозможно.

А Хью был пьян. И Дэниел был пьян. И все вокруг были пьяны. Поэтому когда Хью опрокинул карточный стол и обвинил Дэниела в мошенничестве, в комнате поднялся жуткий гвалт, и остановить это безумие было некому.

Маркус и по сей день не знал, что в точности было сказано, но через несколько минут стало ясно – Дэниел Смайт-Смит и Хью Прентис встречаются на рассвете. Дуэль на пистолетах.

Оставалось надеяться, что к назначенному часу противники протрезвеют и осознают собственный идиотизм.

Хью стрелял первым, его пуля слегка задела левое плечо Дэниела. Все возмущенно ахнули – выстрел в воздух был бы куда более уместным. А тем

временем Дэниел поднял правую руку и выстрелил в ответ.

Тысяча чертей! Он никогда не отличался особой меткостью, но на сей раз не промахнулся и ранил Хью в бедро. Кровь била фонтаном. Маркуса мутило при одном воспоминании об этом. Хирург крикнул, что пуля, вероятно, пробила артерию, ничем иным нельзя объяснить столь сильное кровотечение. Трое суток Хью находился между жизнью и смертью, и никто особенно не задумывался о его раздробленном суставе.

Хью выжил и даже понемногу ходил, но только опираясь на трость. А его отец – чрезвычайно влиятельный и чрезвычайно свирепый маркиз Рамсгейт – поклялся отомстить. В результате Дэниелу пришлось бежать в Италию.

В порту, перед самым отплытием корабля, в последнюю минуту перед разлукой он торопливо попросил:

– Присмотри за Гонорией, хорошо? Не дай ей выйти замуж за какого-нибудь кретина.

Разумеется, Маркус согласился. Разве он мог ответить по-другому? Но он никогда не рассказывал Гонории про обещание, данное ее брату. Это только осложнило бы дело. Ему и без того хватало хлопот. Если бы она узнала, что он приставлен к ней в качестве опекуна, то неизбежно пришла бы в ярость и стала бы действовать ему назло.

Непременно. Он в этом не сомневался.

Не потому, что Гонория отличалась особенным своеобразием. В общем и целом она была вполне разумной девушкой. Однако даже самые разумные существа женского пола отчего-то считают своим долгом перечить всякому, кого заподозрят в попытках ими командовать.

Он наблюдал за ней издали и без лишнего шума, ненавязчиво отвадил одного-двух претендентов.

Или трех.

Ну может быть, четырех.

Он дал слово Дэниелу.

А Маркус Холройд был не из тех, кто нарушает свое слово.

Глава 2

– Когда он приедет?

– Я не знаю, – ответила Гонория и вежливо улыбнулась, хотя юные леди, собравшиеся в серебристо-зеленой гостиной дома Ройлов, задавали этот вопрос уже в седьмой раз.

Вчерашняя встреча с Маркусом была всесторонне обсуждена, препарирована и проанализирована, а леди Сара Плейнсуорт, кузина и одна из ближайших подруг Гонории, даже попыталась увековечить событие в поэтической форме.

– Его явление настало, – нараспев продекламовала Сара. – Когда вода с небес стекала.

Гонория чуть не поперхнулась чаем.

– А героиня утопала...

Сесили Ройл, прикрывая чашкой лукавую улыбку, поинтересовалась:

– Может быть, пока не поздно, перейдешь на белый стих?

– ...бедняжка мучилась, страдала...

– Я действительно мерзла, – вставила Гонория.

Айрис Смайт-Смит, еще одна кузина Гонории, со свойственным ей холодным спокойствием заявила:

- Сейчас я мучаюсь и страдаю. Особенно мои уши.

Гонория строгим взглядом призвала Айрис быть повежливее, но та лишь пожала плечами.

- ...В бессилии изнемогала...

- Неправда! - запротестовала Гонория.

- Не надо спорить с гением, - сладко произнесла Айрис.

- ...Спасения страстно алкала...

- Чем дальше, тем хуже, - вздохнула Гонория.

- А мне это начинает нравиться, - заметила Сесили.

- ...Мысленно тихо стонала... Гонория фыркнула:

- Право, довольно!

- По-моему, она прямо-таки творит чудеса, - сообщила Айрис, - учитывая сложность выбранной стихотворной формы.

Она посмотрела на внезапно замолчавшую Сару и выжидательно склонила голову набок. Гонория и Сесили сделали то же самое.

Рот Сары был открыт, левая рука - торжественно вытянута вперед, но с рифмами явно вышла заминка.

- Скакала? - предложила Сесили. - Толкала?

- Рассудок теряла? - решила помочь Айрис.

- Я его неизбежно потеряю, - язвительно откликнулась Гонория, - если послушаю вас еще немного.

Сара рассмеялась и уселась на диван.

- Граф Чаттерис, - вымолвила она со вздохом. - Никогда тебя не прощу! Почему ты не представила меня ему в прошлом году?

- Я тебя представила! - возразила Гонория.

- Ну значит, тебе следовало сделать это дважды, - не растерялась Сара. - Для верности. Кажется, за весь сезон он сказал мне пару слов, не больше.

- Мне тоже, - ответила Гонория.

Сара наклонила голову и недоверчиво приподняла брови.

- Он не особенно общителен, - пояснила Гонория.

- Зато очень красив, - подала голос Сесили.

- Ты так думаешь? - откликнулась Сара. - Я нахожу его слишком мрачным и задумчивым.

- Мрачная задумчивость делает мужчину красивым, - твердо произнесла Сесили, не дожидаясь, пока Гонория выскажет свое мнение.

- Боже, я очутилась в скверном романе, - объявила Айрис, ни к кому конкретно не обращаясь.

- Однако ты так и не ответила. - Сара посмотрела на Гонорию. - Когда он приедет?

- Я не знаю, - в восьмой раз повторила Гонория. - Он не сказал.

- Невежливо, - прокомментировала Сесили, потянувшись за печеньем.

- Он всегда такой, - слегка пожала плечами Гонория.

- Самое интересное, - пробормотала Сесили, - что тебе хорошо известно, какой он «всегда».

- Они знают друг друга десятки лет, - сказала Сара. - Века.

- Сара...

Гонория любила кухню. Даже очень. Но порой ей приходилось напоминать себе об этом.

Сара лукаво улыбнулась и озорно сверкнула темными глазами:

- Раньше он называл ее Букашкой.

- Сара! - возмутилась Гонория. Она совершенно не желала придавать широкой огласке тот факт, что человек, носящий титул графа, некогда обнаруживал в ней сходство с насекомым. - Мне было семь лет.

- А ему сколько? - спросила Айрис. Гонория на секунду задумалась.

- Очевидно, тринадцать.

- Тогда все ясно. - Сесили пренебрежительно махнула рукой. - Мальчишки - настоящие чудовища.

Гонория молча кивнула. У Сесили семь младших братьев. Ей виднее.

- И все же, - таинственно начала Сесили, - ваша неожиданная встреча представляется мне совершенно поразительной.

- Редкостная случайность, - согласилась Сара.

– Как будто он тайно следил за тобой, – добавила Сесили, наклоняясь вперед и все шире распахивая глаза.

– Какая чепуха, – отозвалась Гонория.

– Да, конечно, – спохватилась Сесили и бодро перешла на нормальный деловитый тон: – Разумеется, ничего подобного не было. Просто может показаться, что это так.

– Он живет неподалеку, – сказала Гонория, неопределенно махнув рукой в произвольном направлении.

Она вообще плохо ориентировалась на местности и не смогла бы показать, где север, даже если бы от этого зависела ее жизнь. К тому же откуда ей было знать, с какой стороны от Кембриджа находится Фензмор и как до него добраться.

– Его земли примыкают к нашим, – сказала Сесили.

– Вот как? – тотчас откликнулась Сара. С огромным интересом.

– Вернее, они окружают наши, – хихикнула Сесили. – Этому человеку принадлежит половина Северного Кембриджшира. Полагаю, его владения граничат с Брикстеном на севере, на юге и на западе.

– А на востоке? – осведомилась Айрис. И специально для Гонории добавила: – По моему, этот вопрос напрашивается сам собой.

– Скорее всего... – Сесили немного поразмыслила: – Да, на юге тоже его земли. Можно двинуться на юго-восток, там есть небольшой просвет, но он ведет к дому викария, так что какой смысл?

– Поместье далеко от города? – спросила Сара.

– Брикстен?

– Нет, – нетерпеливо отрезала Сара. – Фензмор.

- Да нет, не слишком далеко. До нас двадцать миль, значит, до него немногим больше. - Сесили вновь ненадолго задумалась. - Очевидно, он содержит городской особняк в Кембридже, но я не уверена.

Ройлы, как истинные приверженцы традиций Восточной Англии, держали дом в столице графства, несмотря на близость загородного поместья. А в Лондоне арендовали жилье только на время светского сезона.

- Надо ехать, - неожиданно произнесла Сара. - В конце недели.

- Ехать? - переспросила Айрис. - Куда?

- В поместье? - сообразила Сесили.

- Да! - воодушевленно провозгласила Сара. - Наши семьи не станут возражать, ведь мы задержимся всего на несколько дней. - Она повернулась к Сесили: - Твоя матушка может устроить небольшой загородный прием. Мы пригласим студентов из университета. Они будут только рады сменить обстановку и немного отдохнуть от учебы.

- Я слышала, что в университете очень плохо кормят, - довела до общего сведения Айрис.

- Любопытная идея, - задумчиво произнесла Сесили.

- Плодотворная идея, - твердо заявила Сара. - Иди и поговори со своей матерью. Сейчас, пока лорд Чаттерис еще не прибыл.

Гонория вздрогнула:

- Вы же не станете приглашать его, правда?

Она с удовольствием повидалась с ним вчера, но меньше всего на свете желала оказаться в его обществе на загородном приеме. Если он будет среди гостей, ей придется распрощаться с надеждой привлечь внимание какого-нибудь молодого джентльмена. Стоит Маркусу заметить в ее поведении что-то предосудительное

(с его точки зрения), как он немедленно начинает сверлить ее сумрачным взглядом, от которого вянет все живое в радиусе нескольких футов.

Мысль о том, что он может не найти в ее поведении ничего предосудительного, даже не приходила ей в голову.

– Конечно, нет. – Сара с некоторым раздражением повернулась к Гонории: – С какой стати ему на два дня переселяться к соседям, когда до его собственной постели рукой подать? Но почему бы не предложить ему навестить нас? Вдруг у него возникнет желание приехать к ужину или поохотиться, пострелять вместе с остальными.

Гонория могла только гадать, на какой минуте общения с ее щебечущими подругами у Маркуса «возникнет желание пострелять» именно в них.

Между тем Сара продолжила:

– Вот и прекрасно. Молодые джентльмены скорее примут наше приглашение, если узнают, что будет лорд Чаттерис. Им захочется произвести на него хорошее впечатление. Он очень влиятельная фигура, знаете ли.

– Кажется, минуту назад кто-то говорил, что не собирается его приглашать, – напомнила Гонория.

– Я и не собираюсь. То есть, – Сара посмотрела на Сесили, вероятно вспомнив о том, что приглашение должно исходить от матери подруги, – мы не собираемся. Но никто не мешает нам распусть слух о том, что он собирается побывать на приеме.

– Уверена, он это оценит, – сухо сказала Гонория, хотя, похоже, ее никто не слушал.

– Кого мы пригласим? – спросила Сара, не обратив ни малейшего внимания на слова Гонории. – Джентльменов должно быть четверо.

– Но вместе с лордом Чаттерисом их будет пятеро, – резонно заметила Сесили. – Получается, что джентльмены окажутся в большинстве.

– Тем лучше для нас, – твердо заявила Сара. – Не можем же мы пригласить троих. Тогда в отсутствие графа кто-то из нас останется без пары.

Гонория вздохнула. У ее кузины была бульдожья хватка. Если Сара что-то вбила себе в голову, спорить бесполезно.

– Я поговорю с мамой. Нам нужно действовать без промедления, – сказала Сесили и, словно облако шелестящего розового муслина, вылетела из гостиной.

Гонория с надеждой повернулась к Айрис. Быть может, хотя бы младшая кузина сохранила рассудок посреди этого безумия?

Но Айрис только пожала плечами:

– Не такая уж плохая идея.

– Мы для того и приехали в Кембридж, – напомнила Сара. – Чтобы поближе познакомиться с джентльменами.

Так оно и было. Конечно, миссис Ройл нравилось говорить о приобщении юных леди к культуре и образованию, но факт оставался фактом – они прибыли, чтобы «приобщиться» к мужскому обществу. Ведь та же миссис Ройл, обсуждая свой план с матерью Гонории, быстро забыла о лекциях и перешла к горьким сетованиям. Ее совершенно не удовлетворял существующий порядок вещей. Почему в начале сезона молодые джентльмены остаются в Оксфорде и Кембридже, когда им надлежало бы находиться в Лондоне и ухаживать за барышнями?

С целью расширения круга знакомств миссис Ройл запланировала званый ужин, но загородный прием мог оказаться гораздо эффективнее.

Лучше всего заманить джентльменов туда, откуда они не смогут сбежать.

Раз так, значит, Гонории оставалось только написать письмо матери и задержаться в Кембридже еще на несколько дней. Ей страшно не нравилась идея использовать Маркуса в качестве приманки для остальных гостей, но она просто-напросто не могла упустить шанс устроить свое будущее. Конечно,

студенты университета – ровесники Гонории и ее подруг – были слишком молоды, однако это не имело значения. В конце концов, если они не созрели для женитьбы, у них наверняка есть старшие братья. Или кузены. Или друзья.

Гонория вздохнула. Все это выглядело крайне неромантично и расчетливо, но тут уж ничего не поделаешь.

– Грегори Бриджертон, – объявила Сара, победно сияя глазами. – Подходит по всем статьям. Превосходные семейные связи. Одна из его сестер замужем за герцогом, а другая – за графом. Кроме того, в этом году он оканчивает университет, следовательно, скоро сможет свободно жениться.

Гонория без труда вспомнила мистера Бриджертона. Он несколько раз сопровождал свою мать (очевидно, не по доброй воле) на печально знаменитые выступления музыкального квартета барышень Смайт-Смит.

Гонория поморщилась. Пресловутое ежегодное действо никак не способствовало знакомству с джентльменами. Ну разве что с глухими. Кто именно заложил основы семейной традиции – история умалчивает, однако в 1807 году от Рождества Христова четыре кузины Смайт-Смит поднялись на сцену и на глазах у изумленной публики жестоко надругались над ни в чем не повинной мелодией. Почему они (или, скорее, их матери) сочли нужным повторить кошмарную экзекуцию на следующий год, Гонория понять не могла. Так или иначе, они это сделали. А потом еще раз, и еще... Снова и снова, из года в год.

Дело не ограничилось одним поколением. Каждую девочку, родившуюся в семье Смайт-Смит, с малолетства приучали к музыкальному инструменту и внушали, что она обязана, когда настанет черед, занять свое место в квартете. И не покидать это место, пока не обзаведется законным супругом. Неплохой стимул для раннего замужества... Во всяком случае, по мнению Гонории.

Но как ни странно, большая часть обширного семейства, кажется, пребывала в полном неведении относительно того, насколько ужасно они играли. Кузина Виола состояла в квартете шесть лет и до сих пор тосковала по тем временам. Полгода назад, когда Виола выходила замуж, Гонория всерьез опасалась, что она покинет жениха у алтаря единственно из желания сохранить за собой партию первой скрипки.

Уму непостижимо.

Гонория и Сара впервые приняли участие в концерте год назад. Гонория играла на скрипке, а Сара – на фортепиано. Бедняжка Сара так до конца и не оправилась от полученной душевной травмы. Она обладала некоторой музыкальностью и вполне сносно справилась со своей партией. Во всяком случае, Гонории так говорили. А уж как оно было на самом деле, она судить не могла. Вой скрипок и ропот аудитории заглушали звуки фортепиано.

Сара поклялась больше никогда не играть с кузинами, но Гонория отнеслась к проблеме более философски. В сущности, музыкальные выступления не слишком угнетали ее. Она относилась к ним как к неизбежному злу и даже находила немного забавными. В конце концов, такова семейная традиция, а для Гонории не было ничего важнее семьи. Ничего на свете.

Однако сейчас она всерьез занялась поисками мужа. А взять ее в жены мог только джентльмен с отдавленными медведем ушами. Или с отменным чувством юмора.

Грегори Бриджертон казался ей очень подходящим кандидатом. Гонория понятия не имела, встречался ли он с вышеупомянутым медведем, но всего двумя днями раньше сама случайно встретила с Грегори во время прогулки по городу и с восхищением отметила про себя, какая у него чудесная улыбка.

Очень приятный молодой человек. Удивительно дружелюбный и общительный... Он отлично вписался бы в круг ее домочадцев. Не сейчас, а в прежние времена, когда они собирались в Уиппл-Хилле – шумные, говорливые, всегда готовые посмеяться.

Кстати, он действительно происходил из весьма многочисленного семейства, седьмой из восьми детей. А Гонория – шестая из шести. Они оба младшие, а значит, легко найдут общий язык.

Грегори Бриджертон. Хм...

И как это она не подумала о нем раньше?

Гонория Бриджертон.

Уинифред Бриджертон. (Гонория всегда хотела назвать своего ребенка этим именем и полагала вполне разумным проверить, хорошо ли оно сочетается с фамилией.)

Мистер Грегори и леди Гоно...

- Гонория? Гонория! Она растерянно моргнула. Сара взирала на нее с нескрываемым раздражением:

- Грегори Бриджертон. Твое мнение?

- Э-э, полагаю, это было бы очень мило, - ответила Гонория в самой что ни на есть скромной манере.

- Кто еще? - Сара встала с дивана. - Мне нужно составить список.

- Из четырех имен? - не удержалась Гонория.

- Ты настроена чрезвычайно решительно, - добавила Айрис.

- Иначе ничего не получится, - сверкнув глазами, отрезала Сара.

- Неужели ты и впрямь рассчитываешь найти жениха и обвенчаться с ним в ближайшие две недели? - поинтересовалась Гонория.

- Не понимаю, о чем ты, - холодно промолвила Сара.

Гонория взглянула на открытую дверь и, убедившись в том, что в холле никого нет, вновь посмотрела на Сару:

- Мы здесь втроем, без посторонних.

- А помолвка освобождает от обязанности участвовать в музыкальном представлении? - осведомилась Айрис.

- Нет, - ответила Гонория.

- Да, - твердо произнесла Сара.

- Нет, не освобождает, - повторила Гонория.

Айрис вздохнула.

- Тебе не на что жаловаться! - Сара повернулась к ней, сощутив глаза. - Ты не играла в прошлом году.

- И не устаю этому радоваться, - сообщила Айрис, которой предстояло в наступающем сезоне занять освободившееся место виолончелистки.

- Ты хочешь выйти замуж не меньше, чем я, - обратилась Сара к Гонории.

- Но не в ближайшие две недели! И не для того, - она немного сбавила тон, - чтобы любой ценой покинуть квартет.

- Я не говорила, что готова обвенчаться с первым встречным, - оскорбилась Сара. - Но если, допустим, лорд Чаттерис вдруг до безумия влюбится в меня...

- Исключено, - с излишней прямоотой ляпнула Гонория. - Он ни в кого не влюбится до безумия. Поверь мне.

- Пути любви неисповедимы, - сказала Сара скорее с надеждой, чем с уверенностью.

- Даже если Маркус влюбится в тебя, что представляется мне весьма сомнительным, хотя дело вовсе не в тебе, просто он не из тех, кто быстро влюбляется. - Гонория остановилась, пытаясь припомнить, с чего началось предложение, чтобы понять, закончилось ли оно.

Сара скрестила руки на груди:

- В этом потоке оскорблений заключалось какое-нибудь рациональное зерно?

Гонория хмыкнула:

– Я имела в виду, что даже если Маркус в кого-нибудь влюбится, то никак не вдруг, а в самой упорядоченной, заурядной манере.

– А бывает ли любовь заурядной? – спросила Айрис.

После столь глубокого философского вопроса в гостиной воцарилась тишина. Правда, всего на одно мгновение.

А затем Гонория снова повернулась к Саре и продолжила:

– Маркус ни в коем случае не станет торопить события и скоропалительно жениться. Он ненавидит привлекать к себе внимание. Ненавидит, – веско повторила она. – Он определенно не спасет тебя от участия в музыкальном вечере.

Сара на несколько секунд застыла в напряженном молчании, потом вздохнула и понуро опустила плечи.

– Может быть, Грегори Бриджертон? – уныло произнесла она. – Кажется, с виду он немного похож на романтика.

– Думаешь, этого «немного» хватит для побега? – любопытствовала Айрис.

– Никто никуда не убежит! – воскликнула Гонория. – Все в следующем месяце будут выступать на музыкальном вечере.

Сара и Айрис изумленно воззрились на нее – если не с ужасом, то с откровенным страхом.

– Ну, не все, а мы, – пробормотала Гонория. – Вы и я. Это наш долг.

– Наш долг, – повторила Сара. – Играть так, что уши вянут?

– Да, – серьезно сказала Гонория. Айрис расхохоталась.

- Это не смешно, - возмутилась Сара. Айрис вытерла глаза.

- О нет, напротив.

- Ты убедишься в моей правоте, - предупредила Сара, - когда поучаствуешь в концерте.

- Вот я и тороплюсь посмеяться сейчас, пока не поздно, - отозвалась Айрис.

- А я по-прежнему считаю, что нам надо организовать загородный прием.

- Согласна, - коротко сказала Гонория и, заметив недоверчивый взгляд Сары, добавила: - Только не стоит рассматривать его как средство спасения от музыкального вечера. Такой план кажется мне слишком амбициозным.

На самом деле она находила его не амбициозным, а глупым, но желала обойтись без резкостей.

Сара села за бюро и приготовилась писать.

- Итак, мистер Бриджертон нам подходит? Гонория переглянулась с Айрис, и они обе кивнули.

- Кто еще? - спросила Сара.

- Может быть, нам стоит дождаться Сесили? - предложила Айрис.

- Невилл Бербрук, - уверенно произнесла Сара. - Он родственник мистера Бриджертона.

- Разве? - усомнилась Гонория.

Конечно, Бриджертоны - обширное семейство с разветвленными родственными связями, но когда же это они успели породниться с Бербруками?

– Сестра жены брата мистера Бриджертона замужем за братом мистера Бербрука.

Этот пассаж прямо-таки напрашивался на саркастические комментарии, но Сара отбарабанила его с такой немислимой скоростью, что ошеломленная Гонория только растерянно моргнула.

Однако Айрис сохранила хладнокровие:

– Таким образом, они приходится друг другу... случайными знакомыми?

– Кузенами, – ответила Сара, метнув на Айрис сердитый взгляд. – Братьями. Со стороны братьев.

– Все люди братья? – промурлыкала Айрис.

Сара повернулась к Гонории:

– Заставь ее замолчать.

Гонория рассмеялась, Айрис тоже, и в конце концов Сара не выдержала и присоединилась к ним.

Гонория встала и порывисто обняла Сару:

– Все будет хорошо, вот увидишь.

Сара смущенно улыбнулась и хотела что-то сказать, но тут в дверях появилась Сесили, а следом за ней и ее мать.

– Маме нравится наша идея, – объявила Сесили.

– Именно так, – подтвердила миссис Ройл и, в мгновение ока преодолев расстояние, отделявшее ее от бюро, уселась в предусмотрительно освобожденное Сарой кресло.

Гонория с интересом наблюдала за хозяйкой дома. Миссис Ройл обладала вполне умеренной (чтобы не сказать заурядной) внешностью: умеренный рост, умеренная полнота, умеренно-темные волосы, умеренно-карие глаза... Даже платье на ней было умеренного, лиловатого оттенка, с умеренно широкой оборкой, украшавшей подол.

Но вот настал решительный момент, и ее облик совершенно преобразился. Она походила на полководца перед судьбоносным сражением, и при взгляде на ее лицо каждому становилось ясно – пленным пощады не будет.

– Превосходно, – сказала миссис Ройл и слегка сдвинула брови. – Не понимаю, почему я не подумала об этом раньше. Надо немедленно приниматься за работу. Сегодня днем я пошлю кого-нибудь в Лондон. Необходимо уведомить ваших родителей, иначе они будут волноваться. – Она повернулась к Гонории: – Сесили говорит, что вы можете обеспечить присутствие лорда Чаттериса.

– Нет, – встревожилась Гонория. – Конечно, я могу попробовать, но...

– Попробуйте хорошенько, – деловито распорядилась миссис Ройл. – Это задание для вас, а мы займемся всем остальным. Кстати, когда он приедет?

– Понятия не имею, – ответила Гонория. В который раз? А бог его знает! Она уже сбилась со счета. – Он не сказал.

– Может быть, он забыл?

– Забывчивость не в его натуре, – заверила Гонория.

– Да, он производит впечатление серьезного человека, – пробормотала миссис Ройл. – И тем не менее от мужчин можно ожидать чего угодно. Они лишены тонкости чувств и относятся к процессу ухаживания куда более поверхностно, чем мы, женщины.

Вот тут Гонория уже не просто встревожилась, а впала в полноценную панику. Боже милостивый, если миссис Ройл вознамерилась соединить Маркуса и...

– Он не ухаживает за мной, – поспешно возразила она.

Миссис Ройл явно не торопилась ей верить.

– Ничего подобного, клянусь.

Миссис Ройл перевела пристальный взгляд на Сару.

Та мгновенно выпрямила спину и, словно подчиняясь молчаливому приказу, присоединилась к разговору:

– По-видимому, это правда. Они относятся друг к другу скорее как брат и сестра.

– Так оно и есть, – подтвердила Гонория. – Он был ближайшим другом моего брата.

Упоминание о Дэниеле было встречено гробовым молчанием. Гонория не знала, чем оно вызвано – сочувствием к ней, неловкостью или горьким сожалением о том, что потерян для нынешнего поколения светских дебютанток такой выгодный жених.

– Ладно, – наконец встрепенулась миссис Ройл. – В любом случае постарайтесь. Мы на вас очень надеемся.

– Ой! – вскрикнула Сесили, отшатываясь от окна. – По-моему, он приехал.

Сара вскочила на ноги и принялась разглаживать на юбке несуществующие складки.

– Ты уверена?

– О да, – восторженно выдохнула Сесили. – Бог ты мой, какая великолепная карета.

В ожидании гостя все замерли, а миссис Ройл, кажется, и вовсе перестала дышать.

Айрис наклонилась и прошептала Гонории на ухо:

– Представь, как глупо мы будем выглядеть, если это не он.

Гонория, сдерживая смех, слегка наступила на ногу младшей кузине.

Айрис только усмехнулась.

И вот раздался долгожданный стук в дверь, затем тихий скрип...

– Выпрямись, – прошипела миссис Ройл, обращаясь к Сесили, и с некоторым опозданием добавила: – Вы все тоже.

В дверях появился дворецкий – один, как перст! – и объявил:

– Лорд Чаттерис приносит свои извинения.

Барышни, а с ними и миссис Ройл, разом сникли.

Сдулись, словно каждую из них проткнули булавкой и выпустили весь воздух.

– Он прислал письмо, – сообщил дворецкий, но, когда миссис Ройл протянула руку, уточнил: – Оно адресовано леди Гонории.

Все взоры тотчас устремились на Гонорию, и ей пришлось изрядно постараться, чтобы ничем не выдать своего облегчения.

– Спасибо, – поблагодарила она, забирая у дворецкого сложенный лист бумаги.

– Что там написано? – У Сары не хватило терпения дожидаться, когда Гонория хотя бы сломает печать.

– Одну минуту, – пробормотала Гонория, отойдя к окну, с тем чтобы иметь возможность прочитать письмо Маркуса в относительно приватной обстановке. – Ничего особенного, – сообщила она, ознакомившись с тремя короткими предложениями. – Непредвиденные обстоятельства требуют его присутствия в поместье, и он не может сегодня приехать с визитом.

- И все? - подозрительно поинтересовалась миссис Ройл.

- Он не из тех, кто вдается в пространные объяснения, - сказала Гонория.

- Сильные мужчины не объясняют свои поступки, - торжественно провозгласила Сесили.

Некоторое время все молча обдумывали эту сентенцию, а потом Гонория нарочито веселым голосом поведала:

- Он желает нам всего наилучшего.

- Но не желает удостоить нас своим присутствием, - проворчала миссис Ройл.

Вопрос о загородном приеме явно повис в воздухе, и юные леди быстро переглянулись между собой, решая, кто именно задаст его вслух. Наконец все взгляды сосредоточились на Сесили. Только она могла проявить инициативу, со стороны прочих это выглядело бы весьма невежливо.

- Как мы поступим с поездкой в Брикстен? - спросила Сесили, но миссис Ройл пребывала в глубокой задумчивости. Глаза ее были прищурены, губы - плотно сжаты. Сесили выразительно кашлянула и чуть повысила голос: - Мама?

- Идея по-прежнему хороша, и мы не оставим ее, - неожиданно громко и напористо произнесла миссис Ройл, слегка оглушив Гонорию.

- Значит, мы приглашаем студентов? - обрадовалась Сесили.

- Я думала о Грегори Бриджертоне, - с готовностью вставила Сара, - и о Невилле Бербруке.

- Прекрасный выбор. Оба принадлежат к достойным семействам. - Миссис Ройл промаршировала обратно к бюро, достала несколько листов кремовой веленовой бумаги[3 - Веленовая бумага - плотная глянцевая бумага высшего качества.] и быстро пересчитала их. - Я сию же минуту напишу приглашения. Все, кроме одного. - Она взяла верхний лист из стопки и протянула его Гонории.

– Прошу прощения? – Гонория сделала удивленное лицо, хотя отлично поняла, что имела в виду миссис Ройл. Просто не хотела признавать это.

– Вы пригласите лорда Чаттериса. Как мы планировали. Не на весь прием, только на один день. На субботу или на воскресенье, когда ему будет угодно.

– Мама, ты не находишь, что предложение должно исходить от тебя? – засомневалась Сесили.

– Нет, лучше от леди Гонории, – заявила миссис Ройл. – Ему будет куда труднее отказаться, ведь их связывают давние дружеские отношения. – Она шагнула вперед и вручила-таки бумагу Гонории, после чего добавила: – Разумеется, мы с ним хорошие соседи, не думайте, что это не так.

– Да, конечно, – пробормотала Гонория. Ей больше нечего было сказать. И делать – тоже нечего. Она печально взглянула на веленевый лист. Но тут ей неожиданно улыбнулась удача. Миссис Ройл расположилась за бюро, следовательно, у Гонории просто не оставалось иного выхода, как удалиться в свою комнату и написать приглашение там.

Таким образом, никто, кроме Гонории – и Маркуса, разумеется, – не узнал, что в ее послании говорилось:

«Маркус!

Миссис Ройл поручила мне пригласить тебя в Брикстен на ближайшую субботу или воскресенье. Она планирует небольшой домашний прием с участием четырех известных тебе девиц и четверых молодых джентльменов из университета. Умоляю, не соглашайся. Ты там замучаешься, а значит, и я тоже замучаюсь, потому что меня будут беспокоить твои мучения.

С искренней преданностью и проч.

Гонория».

Иной джентльмен, очевидно, счел бы такое «приглашение» вызовом и немедленно принял бы его. Но Маркус – нет. В нем Гонория не сомневалась. Он

мог быть каким угодно – высокомерным, мрачным, суровым, – но только не мелочным. Маркус не пожелает терпеть неудобства единственно ради того, чтобы доставить ей неприятности.

Да, иногда он отравлял ее существование, однако, в сущности, был хорошим человеком. К тому же здравомыслящим. Ему не составит труда понять, что прием у миссис Ройл относится к тем мероприятиям, которых он на дух не переносит. Он и в Лондон-то ездил неизвестно зачем, ему там явно было смертельно скучно.

Гонория собственноручно запечатала письмо и, спустившись вниз, отдала его лакею для доставки по назначению.

Ответ Маркуса, полученный через несколько часов, был адресован миссис Ройл.

– Что там? – Сесили, едва дыша от волнения, устремилась к матери. Айрис тоже проявила изрядную заинтересованность и попыталась заглянуть Сесили через плечо.

Гонория держалась чуть поодаль и спокойно ждала. Она знала, что там.

Миссис Ройл сломала печать, развернула письмо и быстро пробежала его глазами.

– Он шлет свои сожаления, – произнесла она без всякого выражения.

Сесили и Сара разочарованно ахнули. Миссис Ройл посмотрела на Гонорию, изо всех сил изображавшую удивление и расстройство.

– Мадам, я очень старалась. Думаю, лорд Чаттерис просто предпочел уединение. Он действительно ужасно необщителен.

– Что верно, то верно, – пробурчала миссис Ройл. – Помнится, в прошлом сезоне я видела его танцующим на балах раза три, не больше. А между тем многие барышни простаивали без партнеров. Это было откровенно неучтиво с его стороны.

– Хотя он хороший танцор, – заметила Сесили.

Все дружно посмотрели на нее.

– Ну да, – подтвердила она, слегка удивившись тому, что к ее словам отнеслись с таким вниманием. – Он танцевал со мной на мотрамском балу. – Она оглядела подруг, словно оправдываясь: – Он пригласил меня из вежливости. В конце концов, мы соседи.

Гонория кивнула. Маркус правда хорошо танцевал. Во всяком случае, лучше, чем она сама, это уж точно. Ей никак не удавалось разобраться в хитросплетениях ритмических рисунков. Сара тысячу раз пыталась объяснить, чем вальс отличается от других танцев, но Гонория совершенно не улавливала различия между трехдольным размером и всякими там двухдольными и четырехдольными.

– Не будем отчаиваться, – громко сказала миссис Ройл, прижав руку к сердцу. – Два джентльмена из четырех уже приняли приглашение, и я убеждена, что остальные ответят согласием завтра утром.

Однако чуть позже, перед отходом ко сну, когда Гонория собиралась подняться к себе в комнату, миссис Ройл отозвала ее в сторону и тихо спросила:

– Как вы думаете, лорд Чаттерис может изменить свое решение?

Гонория опустила глаза:

– Боюсь, что нет, мэм.

Миссис Ройл покачала головой и с досадой прищелкнула языком.

– Какая жалость! Он был бы украшением моего приема. Ну, ничего не поделаешь. Спокойной ночи, дорогая. Приятных сновидений.

В двадцати милях к северу Маркус, сидя в своем кабинете с бокалом горячего сидра, размышлял над письмом Гонории. Это послание чрезвычайно развеселило

его, что, очевидно, и входило в ее намерения. Конечно, в первую очередь она стремилась удержать Маркуса от посещения приема миссис Ройл, но наверняка понимала, что рассмешит его.

Он перечитал письмо и вновь улыбнулся. Шедевр эпистолярного жанра. Только Гонория способна совместить приглашение с горячими мольбами ответить на него отказом.

Минувшим днем Маркус с удовольствием повидался с Гонорией. Они так давно не встречались. Случайные пересечения в Лондоне он в расчет не принимал. Суэта светских салонов не выдерживала никакого сравнения с непринужденной атмосферой, царившей в семействе Смайт-Смитов в те времена, когда он был частым гостем в Уиппл-Хилле. В Лондоне Маркус либо отбивался от настырных мамаш (каждая из которых была твердо уверена, что именно ее дочь должна стать графиней Чаттерис), либо пытался присмотреть за Гонорией. Либо делал и то и другое одновременно.

Слава Богу, его хотя бы не заподозрили в том, что он сам имеет на нее виды. А могли бы. Он не только следил за ней, но и постоянно вмешивался в ее дела. Правда, весьма осторожно, но все-таки... В прошлом году он отвадил от нее четверых джентльменов – двое охотились за приданым, третий имел склонность к жестокости, а последний был просто напыщенным старым ослом. Очевидно, у Гонории достало бы здравого смысла, чтобы отказать последнему, но жестокий искусно маскировался, а охотники за приданым, по слухам, отличались незаурядным обаянием.

Ничего удивительного, если учесть род их деятельности.

Теперь Гонория, вероятно, заинтересовалась одним из джентльменов, приглашенных на прием к миссис Ройл, и не желала, чтобы Маркус разрушил ее планы. Впрочем, он никак не стремился попасть в Брикстен, и тут их желания полностью совпадали.

Однако ему нужно знать, на кого она нацелилась. Если это кто-то незнакомый, потребуется навести справки. Оставалось лишь раздобыть список гостей, но такие сведения можно с легкостью получить от прислуги.

А потом, если позволит погода, он может прокатиться верхом. Или, к примеру, совершить пешую прогулку. По той извилистой тропинке в лесу, что то и дело пересекает границу между Фензмором и Брикстеном. Он не мог припомнить, когда ходил по ней последний раз. Возмутительная безответственность, ей-богу! Землевладелец обязан вникать во все детали и не упускать из виду самые глухие уголки своей собственности.

Решено, он прогуляется пешком. А если случайно встретит Гонорию и ее друзей, то сможет побеседовать с ними ровно столько времени, сколько понадобится, чтобы выудить нужную информацию.

Маркус допил сидр и улыбнулся. Все складывалось как нельзя лучше.

Глава 3

К полудню воскресенья у Гонории не осталось и тени сомнений в правильности сделанного ею выбора. Из Грегори Бриджертона получится идеальный муж. Несколькими днями раньше, на званом ужине в городском особняке Ройлов, они сидели рядом, и ее совершенно покорило его обаяние. Правда, он не оказывал ей каких-то особенных знаков внимания, но, кажется, никем другим тоже не увлекся. Он был доброжелательным, любезным и, безусловно, обладал чувством юмора.

Помимо всего прочего, имелось одно немаловажное обстоятельство, которое, по мнению Гонории, было ей на руку. Он младший (нет, самый младший!) сын, а значит, не представляет интереса для девиц, желающих обзавестись титулом. Кроме того, ему, вероятно, не помешает дополнительный доход. Конечно, родители, располагая солидным состоянием, не оставят его без средств к существованию. Однако младшие сыновья при выборе невесты обыкновенно обращают пристальное внимание на приданое.

А с этим у Гонории было все в порядке. Она придет к супругу не с пустыми руками. Дэниел перед отъездом рассказал о том, что ей причитается, и размеры приданого оказались пусть не огромными, но более чем внушительными.

Оставалось всего-навсего помочь мистеру Бриджертону разглядеть свое счастье. И у Гонории уже созрел план.

Ее осенило утром, на воскресной проповеди (присутствовали только дамы, джентльмены как-то ненавязчиво самоустранились). Ничего особенного, так, небольшое предприятие, для которого требовались: погожий день, более или менее сносное представление об окрестностях и лопата.

Первое уже имелось в наличии. Солнце вовсю светило не только когда дамы входили в маленькую приходскую церковь, но и когда они из нее выходили. Редкостная удача, если учесть переменчивый характер капризной английской погоды.

Второе вызывало некоторые опасения. Однако после вчерашней прогулки по лесу Гонория почти не сомневалась в том, что сможет сориентироваться на местности. Ведь для этого совершенно не обязательно знать, где юг, где север, достаточно просто идти по протоптанной тропинке.

Ну а лопата... О лопате она собиралась подумать позже.

Когда леди вернулись из церкви, им сообщили, что джентльмены отправились на охоту и придут к обеду.

– Они чрезвычайно проголодаются, – объявила миссис Ройл. – Необходимо подготовиться и все организовать должным образом.

Трое из четырех барышень тотчас догадались, что их хотят привлечь к делу, и поспешили ретироваться. Сесили и Сара устремились наверх подбирать дневные наряды. Айрис на ходу выдумала какую-то чушь про боль в желудке и тоже улетучилась. В итоге почетная миссия помощницы миссис Ройл в «комитете двух» досталась нерасторопной Гонории.

– Я собиралась подать пироги с мясом, – сообщила миссис Ройл. – Их очень удобно сервировать на открытом воздухе. Однако думаю, одного мясного блюда недостаточно. Как вы полагаете, джентльменам понравится холодный ростбиф?

– Конечно, – кивнула Гонория, следуя за хозяйкой дома в сторону кухни и не понимая, с чего вдруг джентльменам должна не понравиться запеченная говядина.

– С горчицей?

Гонория открыла рот, чтобы ответить, но миссис Ройл без паузы продолжила:

– Мы подадим три перемены блюд. И фрукты.

Гонория немного подождала, а потом, когда стало очевидно, что на сей раз миссис Ройл действительно желает услышать ее комментарий, произнесла:

– Не сомневаюсь, это будет чудесно.

Не бог весть какая реплика, но тема беседы не особенно позволяла блеснуть красноречием.

– О! – Миссис Ройл внезапно остановилась и так круто повернулась, что Гонория едва не врезалась в нее. – Я забыла рассказать Сесили!

– О чем?

Однако миссис Ройл уже устремилась обратно в холл, громко призывая горничную.

И только потом, возвратившись к Гонории, сообщила:

– Крайне важно, чтобы сегодня днем она была в голубом. Говорят, двое из наших гостей предпочитают именно этот цвет.

Говорят? Но Гонория почему-то не слышала ничего подобного.

– К тому же он идет к ее глазам, – добавила миссис Ройл.

– У Сесили чудесные глаза, – согласилась Гонория.

Миссис Ройл посмотрела на нее как-то странно:

– Полагаю, и вам не помешало бы чаще одеваться в голубое. Тогда ваши глаза будут выглядеть не так экзотично.

– Я вполне довольна своими глазами, – улыбнулась Гонория.

Миссис Ройл неодобрительно поджала губы:

– Очень редкий оттенок.

– Это семейная особенность. У моего брата тоже такие глаза.

– Ах да, у вашего брата... – Миссис Ройл вздохнула: – Печальная история.

Гонория кивнула. Три года назад замечание подобного рода показалось бы ей оскорбительным, но теперь она стала менее впечатлительной и более прагматичной. В конце концов, это правда – история действительно печальная.

– Мы не теряем надежды на то, что в один прекрасный день он сможет вернуться.

Миссис Ройл фыркнула:

– Не раньше, чем Рамсгейт отдаст концы. Я помню его еще желторотым юнцом, он всегда был упрям, как осел.

Гонория слегка опешила от такой грубоватой прямолинейности.

– Да, – снова вздохнула миссис Ройл. – К сожалению, не в моей власти что-либо изменить... Перейдем к десерту. Кухарка готовит порционные бисквиты с винной пропиткой, клубникой и взбитыми сливками.

– Замечательная идея, – согласилась Гонория, уяснив наконец, что ее задача – в нужных местах вставлять одобрителльные замечания.

– Очевидно, печенье тоже пришлось бы весьма кстати. – Миссис Ройл озабоченно сдвинула брови. – Оно ей отменно удастся, а джентльменам потребуется восстановить силы. Охота – крайне изматывающее занятие.

Гонория всегда считала, что охота куда больше изматывает не людей, а дичь, но предпочла оставить свое мнение при себе и только осторожно заметила:

– Любопытно, отчего это сегодня утром они отправились на охоту, а не в церковь?

– Не мое дело указывать молодым джентльменам, как им себя вести, – чопорно произнесла миссис Ройл. – Разумеется, если речь не идет о моих сыновьях. Они обязаны слушаться меня всегда и во всем.

Гонория попыталась уловить в этом заявлении намек на иронию и, не обнаружив одного, только молча кивнула. У нее появилось отчетливое предчувствие того, что будущего мужа Сесили непременно причислят к разряду «обязанных слушаться всегда и во всем».

Бедняга, чье имя пока неизвестно! Поймет ли он, на что идет? Окажется ли готов к испытаниям?

Дэниел однажды рассказал ей, что самый дельный совет относительно женитьбы он получил от леди Данбери, кошмарной пожилой дамы, с удовольствием раздававшей непрошенные советы всем, кто соглашался ее выслушать.

И тем, кто не соглашался, тоже.

Однако Дэниелу ее слова явно запали в душу или по крайней мере запомнились. Какие слова? А вот какие:

«Вступая в брак, каждый мужчина должен понимать, что он в равной степени женится и на своей невесте, и на ее матери».

Ну, почти в равной степени. Дэниел сопроводил собственный комментарий хитрой усмешкой. А недоумевающий взгляд Гонории и вовсе развеселил его

сверх всякой меры.

Иногда он вел себя как настоящий мерзавец. Тем не менее она скучала по нему.

Да и миссис Ройл, если вдуматься, была отнюдь не плохой женщиной. Она просто твердо знала, чего хочет для своих детей, и решительно двигалась к намеченной цели. А целеустремленные матери – страшная сила, и Гонория имела возможность убедиться в этом на примере собственной семьи. Старшие сестры до сих пор вспоминали времена своего девичества, когда их матушка являла собой такой пример амбициозной родительницы, какого свет (во всяком случае, высший лондонский) не видывал. Маргарет, Генриетта, Лидия и Шарлотта Смайт-Смит, одетые по новейшей моде, всегда оказывались в нужном месте в нужное время и в результате успешно вышли замуж. Пусть не блестяще, но действительно вполне удачно. Причем каждая из них управилась за сезон, максимум – за два.

С Гонорией дело обстояло иначе. Перед ней маячил уже третий сезон, но леди Уинстед не выказывала горячего желания устроить судьбу дочери. Не то чтобы она не хотела выдать Гонорию замуж, скорее просто не находила в себе сил преодолеть апатию.

После отъезда Дэниела она совершенно растеряла свойственную ей прежде решительность.

И если миссис Ройл присматривалась, прислушивалась (пусть даже подслушивала), заставляла Сесили менять платья, подлаживаясь под чей-то вкус, и устраивала жуткую суету вокруг сладостей, то она поступала так из любви к дочери. Разве можно осуждать ее за это? – С вашей стороны очень мило разделить со мной хлопоты, – сказала миссис Ройл. – Как говаривала моя матушка, лишняя пара рук никогда не бывает лишней.

Гонория склонялась к мысли, что выступает в качестве лишней пары ушей, а никак не рук, однако вежливо поблагодарила за похвалу и следом за миссис Ройл отправилась в сад, где шли активные приготовления к трапезе на свежем воздухе.

Солнце светило уже не так ярко.

– Кажется, мистер Бриджертон проявляет большой интерес к моей Сесили, – поведала миссис Ройл. – Вы согласны?

– Я как-то не заметила, – отозвалась Гонория.

Она-то не заметила, но что себе думает он, хотелось бы знать?

– Определенно проявляет, – уверенно продолжила миссис Ройл. – Вчера за ужином он так широко улыбался!

Гонория кашлянула.

– Мистер Бриджертон весьма улыбочивый джентльмен.

– Но вчера он улыбался совершенно особенным образом.

– Возможно.

Гонория озабоченно посмотрела на небо. Облаков набежало предостаточно, однако дождя, кажется, пока не предвиделось.

– Да, действительно. – Миссис Ройл, проследив за взглядом Гонории, истолковала его по-своему. – Сейчас не так солнечно, как утром. Надеюсь, приличная погода продержится до окончания пикника.

О нет, по крайней мере на два часа дольше. Ведь у Гонории был план, для которого – она огляделась по сторонам – требовалась лопата. А где же ее искать, как не в саду?

– Какая досада! Неужели нам придется отправляться в дом? – нахмурилась миссис Ройл. – В таком случае это будет что угодно, но не пикник.

Гонория рассеянно кивнула и вновь взглянула на облака. Одно из них было явно темнее других, но куда оно плывет – сюда или отсюда?

– Ничего не поделаешь, немного подождем, а там посмотрим, – рассудила миссис Ройл. – Не будем делать из этого трагедию. Джентльменам свойственно влюбляться не только на свежем воздухе, но и под крышей. По крайней мере если мистер Бриджертон неравнодушен к Сесили, у нее появится возможность вдохновить его игрой на фортепиано.

– Сара тоже прекрасно играет, – заметила Гонория. Миссис Ройл застыла на месте и обернулась:

– Разве?

Такая реакция не удивила Гонорию. Она прекрасно помнила, что миссис Ройл присутствовала на прошлогоднем музыкальном вечере.

– Впрочем, нам, пожалуй, не придется отменять пикник. – Миссис Ройл уже оправилась от изумления и устремилась вперед. – Облака выглядят вполне безобидно. Хмм... Признаться, я не усматриваю ничего плохого в том, что мистер Бриджертон может всерьез заинтересоваться моей дочерью... Ах, Господи, надеюсь, горничная успела вовремя приготовить голубое платье, а то у Сесили испортится настроение... Но разумеется, лорд Чаттерис куда предпочтительнее.

Гонория не на шутку встревожилась:

– Он передумал и принял приглашение?

– Нет, к сожалению, нет. Но мы все-таки соседи. А значит, как совершенно справедливо заметила Сесили, в Лондоне он непременно будет с ней танцевать. Она должна использовать свой шанс, грех упускать такую возможность.

– Да, конечно, но...

– Не многие барышни могут похвастаться тем, что он удостоил их своим вниманием, – гордо произнесла миссис Ройл. – Одна-две, не больше. Ну, и вы, вероятно, ведь вас связывает давнее знакомство. Для Сесили это большая удача, так ей будет легче завоевать его расположение. Сюда, леди Гонория. – Она указала на украшенный цветами стол и продолжила: – Кроме того, он наверняка захочет присоединить наши земли. Они вклиниваются в его владения.

Гонория понятия не имела, что на это ответить, и только слегка пожала плечами.

– Правда, мы не можем отдать ему все, – уточнила миссис Ройл. – Тут нет заповедного имущества, однако нельзя же обездолжить Джорджи.

Джорджи?

– Так зовут моего старшего сына. – Она окинула Гонорию оценивающим взглядом и махнула рукой: – Нет, ему нужен кто-нибудь помоложе. Жаль.

У Гонории просто не нашлось подходящих слов, чтобы ответить на такое заявление.

– Но мы добавим к приданому Сесили несколько акров. Ради того, чтобы иметь в семье графиню, можно кое-чем поступиться.

– Я не думаю, что он подыскивает жену, – робко возразила Гонория.

– Глупости. Каждый мужчина, у которого нет жены, ее подыскивает. Только часто не отдает себе в этом отчета.

Гонория едва заметно улыбнулась:

– Непременно постараюсь запомнить.

Миссис Ройл повернулась и пристально посмотрела на нее.

– Постарайтесь, – вымолвила она после паузы, очевидно, придя к выводу, что в словах Гонории не содержится насмешки. – Ну, вот мы и пришли. Как вам нравятся цветочные композиции? Не многовато ли крокусов?

– По-моему, очень красиво, – искренне восхитилась Гонория, любуясь цветами, особенно лавандой. – Сейчас ранняя весна. Самое время для крокусов.

Миссис Ройл тяжело вздохнула:

– Возможно. Однако я нахожу их слишком простыми.

Гонория с мечтательной улыбкой провела пальцами по лепесткам. В крокусах было что-то необыкновенно умиротворяющее.

– Я бы скорее назвала их пасторальными.

Миссис Ройл склонила голову набок и немного поразмыслила. Затем, должно быть, решив оставить замечание Гонории без комментариев, выпрямилась и объявила:

– Все-таки я попрошу кухарку приготовить печенье.

– Нельзя ли мне остаться здесь? – быстро спросила Гонория. – Я просто обожаю составлять букеты.

Миссис Ройл озадаченно посмотрела на цветы, уже составленные в превосходные букеты.

– Их надо немного распушить, – пояснила Гонория.

Миссис Ройл махнула рукой:

– Как вам угодно. Но не забудьте переодеться к возвращению джентльменов. Только не в голубое. Я хочу, чтобы Сесили выделялась.

– Я даже не знаю, привезла ли сюда голубое платье, – дипломатично ответила Гонория.

– Тем лучше, – деловито кивнула миссис Ройл. – Наслаждайтесь... э-э... распушением.

Гонория улыбнулась, нетерпеливо ожидая того момента, когда миссис Ройл войдет в дом. Правда, пришлось подождать еще немного, потому что вокруг стола суетились горничные со всякими вилками, ложками и прочей чепухой. Изображая живой интерес к цветам, Гонория украдкой бросала взгляды то в одну сторону, то в другую, пока не заметила возле розового куста какой-то

блестящий предмет. А поскольку горничные занимались своими делами и не обращали на нее особого внимания, Гонория отправилась на разведку.

Под кустом лежал совок, вероятно, забытый садовниками (большое им спасибо!). Пожалуй, это было даже лучше, чем лопата. Гонория желала все сделать незаметно, а слова «лопата» и «незаметно» как-то плохо сочетаются друг с другом.

Однако с совком тоже возникли сложности. У нее на платьях не было карманов, но даже если бы таковые имелись, вряд ли в них уместился бы кусок металла величиной с ладонь. Зато она могла где-нибудь его спрятать и забрать, когда настанет время.

Собственно, именно так и следовало поступить.

Глава 4

Чем это она занимается?

Маркус не собирался прятаться, но когда увидел копавшуюся в земле Гонорию, не удержался и, отступив на шаг назад, принялся наблюдать за ней.

Он понял, что она роет яму. Совком. Хотя, кажется, масштабные раскопки в ее планы не входили, потому как буквально через минуту она выпрямилась, придирчиво осмотрела свое творение, потрогала его ногой, а затем – Маркус постарался тщательнее укрыться за деревом – огляделась по сторонам, подошла к куче сухих листьев и спрятала под ней совок.

Маркус был близок к тому, чтобы обнаружить свое присутствие, но тут Гонория повернулась к яме, задумчиво сдвинула брови и... Достала из-под листьев совок.

Вооружившись инструментом, она присела на корточки и продолжила земляные работы. Пока она трудилась, Маркус не мог разглядеть, в чем именно заключались усовершенствования. Однако стоило ей закончить и вновь отправиться к опавшим листьям, как он увидел, что у ямки появилось

обрамление из рыхлой земли.

И тотчас понял – Гонория соорудила фальшивую кротовую нору.

Другое дело, что кротовые норы обыкновенно не располагаются обособленно. Если обнаружишь одну, значит, где-то поблизости имеется вторая, а то и третья. Очевидно, Гонория не разбиралась в таких подробностях. А может быть, для нее это и вовсе не имело значения. Она несколько раз испробовала яму ногой и, судя по всему, намеревалась симулировать падение. Или подготовила ловушку для кого-то другого. В любом случае вряд ли кому-нибудь придет в голову подсчитывать кротовые норы, когда возникнет вопрос вывихнутой лодыжки.

Маркус продолжил наблюдение. Казалось бы, нет на свете более скучного занятия, чем смотреть на леди, которая просто стоит рядом с поддельной кротовой норой. Однако как ни странно, это зрелище оказалось весьма занимательным. Вероятно, благодаря тому, что Гонория энергично пыталась отогнать скуку от самой себя. Сначала она тихонько продекламировала несколько фраз. Затем наморщила нос, видимо, вспоминая концовку. Потом зажигательно сплясала джигу. И наконец принялась вальсировать, протянув руки воображаемому партнеру.

Она двигалась на удивление грациозно и в тишине танцевала вальс куда лучше, чем на балу под музыку. А бледно-зеленое платье делало ее похожей на лесную нимфу, порхающую среди деревьев в сшитом из листьев наряде.

Гонория с детства была на ты с природой и вечно носилась по Уиппл-Хиллу, залезая на деревья и кубарем скатываясь с холмов. Частенько ей удавалось увязаться за Маркусом и Дэниелом, но если они категорически отвергали ее общество, она не унывала и, как правило, находила для себя занятие на свежем воздухе. Помнится, однажды у нее возникла идея пятьдесят раз подряд обойти вокруг дома. Просто так, единственно ради того, чтобы проверить, можно ли это сделать.

Однако господский дом в графском поместье оказался великоват для таких упражнений, и на следующий день она чувствовала себя ужасно. Даже Дэниел поверил в искренность ее жалоб.

Слава Богу, эксперимент был поставлен в Уиппл-Хилле, а не в Фензморе. Сию чудовищных размеров обитель за один день и десять раз не обойдешь, не говоря уже о пятидесяти. Маркус на секунду задумался. Он точно не помнил, но, кажется, Гонория никогда не бывала в его доме. Да, пожалуй, что так. Отец не отличался гостеприимством, и Маркусу меньше всего на свете хотелось приглашать друзей в пустынный мавзолей своего детства.

Между тем минут через десять Гонория все-таки заскучала. И Маркус тоже заскучал, поскольку теперь она ровным счетом ничего не делала, просто сидела под деревом, подперев локти коленями, а подбородок – ладонями.

Но вот Маркус услышал чьи-то шаги. И она тоже услышала, потому что быстро вскочила на ноги, бросилась к ложной норе и засунула в нее ступню. Затем весьма неуклюже плюхнулась на землю и тут же постаралась принять наиболее изящную позу из тех, что в состоянии принять особа, чья нога втиснута в кротовую нору.

С полминуты она – в полной боевой готовности – напряженно прислушивалась, очевидно, дожидаясь, когда неизвестный любитель лесных прогулок подойдет достаточно близко, а потом на редкость убедительно вскрикнула.

Участие в домашних спектаклях явно сослужило ей хорошую службу. Не оказись Маркус случайным свидетелем маневров, предварявших «падение», ему бы и в голову не пришло усомниться в подлинности несчастного случая.

Теперь на сцене должно было вот-вот появиться новое действующее лицо.

Маркус ждал.

Ждал терпеливо.

Гонория тоже ждала. И тоже терпеливо. Вероятно, даже терпеливее, чем следовало бы. Ей стоило издать второй «крик боли» чуть раньше, она, очевидно, передержала паузу, потому что предполагаемый спаситель упорно не появлялся.

Третий – и последний – вскрик прозвучал уже не так достоверно. Он был испущен скорее для порядка. Зато следующее высказывание получилось весьма ярким.

– Тьфу, пропасть! – рявкнула Гонория, вытаскивая ногу из норы.

Маркус рассмеялся. Гонория ахнула:

– Кто здесь?

Он вышел из-за дерева.

Черт возьми, надо было вести себя потише. Ему вовсе не хотелось пугать ее.

– Маркус?

Он ограничился приветственным жестом. Вообще-то полагалось бы что-нибудь сказать, но она все еще лежала на земле и ее туфлю покрывал слой грязи. А лицо... О Господи, ему никогда не доводилось видеть ничего более забавного. Гонория выглядела одновременно разгневанной и смущенной и, кажется, не могла определить, какая из эмоций сильнее.

– Прекрати смеяться!

– Прости, – сказал он, не испытывая ни малейшего раскаяния.

Она уморительно свирепо сдвинула брови:

– Что ты здесь делаешь?

– Я здесь живу.

Он подошел и протянул ей руку. Для джентльмена вполне естественно предложить даме помощь.

Гонория прищурилась и воззрилась на него с нескрываемым недоверием.

- Точнее, я живу неподалеку, - поправился он. - Эта тропинка проходит примерно по границе земельных владений.

Она все же соизволила принять протянутую руку и, поднявшись на ноги, попыталась стряхнуть грязь с платья. Однако в лесу было довольно сыро, и мокрая земля кое-где намертво прилипла к ткани, что никак не улучшило настроения Гонории. В конце концов она оставила грязную юбку в покое и подняла глаза.

- И долго ты тут находишься?

Он улыбнулся:

- Дольше, чем тебе хотелось бы.

Она с досадой вздохнула.

- Надеюсь, ты не станешь распространяться о своих впечатлениях.

- Ни единым словом, - пообещал он. - И все-таки хотелось бы знать, кого именно ты подкарауливала.

Она криво усмехнулась:

- Оставь, пожалуйста. Ты последний из тех, кому я согласилась бы это сказать.

Он выгнул бровь:

- Действительно. Последний. Она молча сверлила его нетерпеливым взглядом.

- После королевы, после премьер-министра...

- Довольно! - Она подавила улыбку. - Если ты не возражаешь, я присяду.

- Ничего не имею против.

– Платье и так все перепачкано. Пятном больше, пятном меньше, какая разница? – Отыскав под деревом подходящее место, она села и насмешливо добавила: – Теперь ты должен заверить меня в том, что я свежа, как маргаритка.

– Ну, смотря какая маргаритка.

Она окинула его до смешного скептическим взором. Знакомым Маркусу вот уже... Сколько лет? Четырнадцать? Пятнадцать? Но только сейчас он впервые задумался о том, что ни одна женщина, кроме нее, не говорила с ним искренне, с разумной долей здорового сарказма.

Потому-то он и ненавидел лондонские сезоны. При встрече с ним светские дамы притворно улыбались и старались угодить ему каждой фразой.

Да и джентльмены тоже.

Знали бы они, как ошибаются! Ему претили улыбки льстецов. Он не желал, чтобы ему почтительно внимали. И терпеть не мог, когда его в высшей степени обыкновенный, ничем не примечательный жилет воспевали, словно шедевр портновского искусства.

С отъездом Дэниела у него не осталось по-настоящему близких друзей. А про семейные связи и говорить нечего. Ему понадобилось бы углубиться в собственную родословную на добрых четыре колена, чтобы отыскать общего предка с кем-нибудь из ныне живущих людей. Он был единственным ребенком единственного ребенка. Холройды не отличались плодовитостью.

Впрочем, размышления о плодовитости Холройдов можно оставить на потом. В данный момент перед ним сидела Гонория – усталая и печальная. Маркус прислонился к дереву и спросил:

– Значит, брикстенский прием не оправдал твоих радужных надежд?

Она посмотрела на него удивленно.

– В своем трогательном письме ты так просила меня не портить тебе удовольствие, – напомнил он.

– Я просто предупредила, что тебе будет невыносимо скучно.

– Отчего же? Я мог бы неплохо провести время, – возразил он, хотя они оба знали, что это неправда.

Она снова окинула его тем самым саркастическим взглядом.

– Представляю. Четыре незамужние девицы, столько же юных джентльменов из университета, мистер и миссис Ройл и ты. – Она выдержала небольшую паузу и для вящей убедительности добавила: – Да, еще, возможно, собака.

Он чуть улыбнулся:

– Я люблю собак.

Наградив его сдержанным смешком, она взяла сухую ветку и принялась рисовать на земле круги. Уныло опущенные плечи, грустный взгляд, пряди прямых волос, выбившиеся из прически... Во всем ее облике чувствовалась не только усталость, но и нечто такое, с чем Маркус категорически не желал мириться.

Она выглядела побежденной.

Нет, это неправильно. Гонории Смайт-Смит так выглядеть не пристало.

– Гонория, – начал он.

Она тотчас подняла глаза.

– Маркус, мне двадцать один год.

Он несколько озадачился:

– Не может быть. Она раздраженно поджала губы:

– Именно так, уверяю тебя. В прошлом году мне показалось, что я вызвала определенный интерес у нескольких джентльменов, но до предложения дело не дошло. – Она пожала плечами: – Не знаю почему.

Маркус кашлянул и счел нужным ослабить узел шейного платка.

– Думаю, это к лучшему, – продолжила Гонория. – Они мне не особенно нравились. А один из них был... В общем, как-то раз он пнул собаку. – Она нахмурилась: – Едва ли я согласилась бы... Ну, ты понимаешь.

Он кивнул.

Она выпрямилась и широко улыбнулась. Возможно, даже слишком широко.

– В этом году я твердо намерена преуспеть.

– Уверен, у тебя все получится. Она посмотрела на него подозрительно.

– Я сказал что-то не то?

– Нет. Только не надо быть таким снисходительным.

Что, черт возьми, она имеет в виду?

– Я не был снисходительным.

– Ах, Маркус, ради Бога. Ты всегда ведешь себя снисходительно.

– Выражайся яснее, – резко потребовал он.

Она смотрела на него так, словно думала, что он ее дурачит.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

– Напротив, я абсолютно не понимаю, о чем ты говоришь.

Она фыркнула и поднялась с земли.

- Ты всегда взираешь на людей вот так.

Она скорчила такую чудовищную гримасу, что и описать невозможно.

- Если я когда-нибудь буду выглядеть так, - сухо сказал он, - подчеркиваю, в точности так, разрешаю тебе пристрелить меня.

- Вот, - торжествующим тоном заявила она. - Оно самое.

Уж не на разных ли языках они разговаривают?

- Что «оно»?

- То! О чем ты говорил.

Он скрестил руки на груди, оставляя за собой право молчать, покуда она не начнет изъясняться более или менее членораздельно.

- Весь прошлый сезон при виде меня ты демонстрировал откровенное неодобрение.

- Уверяю тебя, ты глубоко заблуждаешься.

Вольно ж ей было принимать на свой счет неодобрение, относившееся отнюдь не к ней, а к ее малоприемлемым кавалерам.

Она сердито сдвинула брови и, казалось, мысленно взвешивала, можно ли считать его извинения удовлетворительными. Хотя на самом деле он и не думал извиняться.

- Могу ли я быть чем-нибудь полезен тебе? - спросил он, тщательно подбирая слова.

- Нет, - отрезала она и только потом прибавила: - Спасибо.

Он устало вздохнул. Должно быть, настало время сменить тактику.

– Гонория, твой отец скончался. Брат, насколько мы можем судить, находится где-то в Италии. А твоя мать желает переселиться в Бат.

– К чему ты ведешь? – воинственно поинтересовалась она.

– Ты одна в целом мире, – столь же агрессивно отозвался он, силясь припомнить, кто и когда в последний раз осмеливался говорить с ним в таком тоне. – Или почти одна.

– У меня есть сестры, – запротестовала она.

– Разве кто-то из них выразил желание опекать тебя?

– Разумеется, нет. Им известно, что я живу с мамой.

– Которая хочет переехать в Бат, – напомнил он.

– Я не одна, – горячо возразила Гонория, и он испугался, что она сейчас заплачет. Однако даже если ее душили слезы, она проглотила их и гневно продолжила: – У меня множество кузин и кузенов. Множество. И четыре сестры, каждая из которых с радостью примет меня, если в этом возникнет необходимость.

– Гонория...

– И пусть мы не знаем, где именно находится мой брат, тем не менее он у меня есть. Я не нуждаюсь... – Она запнулась и моргнула, словно изумляясь тому, что собиралась произнести. Но все-таки произнесла: – Я не нуждаюсь в тебе.

Воцарилась гнетущая тишина. Маркус не думал о том, сколько раз в Уиппл-Хилле сидел за столом рядом с Гонорией. И о домашних спектаклях, где ему всегда доставалась роль дерева, тоже не думал. Эти представления были совершенно ужасными, все до единого, но он получал от них огромное удовольствие. Ему никогда не хотелось главной роли или роли со словами, его

устраивало молчаливое участие в общем празднике. Вместе со всеми. В семье. Но сейчас он об этом не думал. Нет, конечно же, нет. Определенно нет. Он просто стоял и смотрел на выросшую девочку, которая сказала, что не нуждается в нем.

Возможно, так оно и было.

Возможно, она действительно стала совсем взрослой.

Тысяча чертей.

Маркус сдержанно вздохнул и мысленно призвал себя к порядку. Она может испытывать какие угодно эмоции, это ее личное дело. Он обещал Дэниелу присмотреть за ней и выполнит свое обещание.

- Ты нуждаешься... - Он снова вздохнул и, рискуя усугубить ее раздражение, все же сказал: - Ты нуждаешься в помощи.

Она отступила на шаг:

- Ты предлагаешь себя мне в опекуны?

- Нет, - веско произнес он. - Нет. Поверь, этого мне хотелось бы в последнюю очередь.

Она скрестила руки на груди:

- Ну конечно, я такая тяжкая обуза!

- Нет! - Боже милостивый, ну что за разговор. Как ни поверни, непременно упруешься в тупик. - Я просто пытаюсь тебе помочь.

- Мне не нужен еще один брат, - холодно заявила она.

- Я вовсе не желаю быть твоим братом, - парировал он, глядя на нее.

Скорее даже не глядя, а разглядывая – с неожиданным для самого себя интересом. Что тому виной? Возможно, ее необычные глаза. Или яркий румянец. Или чуть разгоряченное дыхание. К тому же у нее такой нежный овал лица. И еще маленькая родинка там, где...

– У тебя грязь на щеке, – сказал он, протягивая ей носовой платок.

Никакой грязи не было. Ему просто требовалось сменить направление собственных мыслей.

Незамедлительно.

Потерев лицо платком, она посмотрела на белоснежную ткань, нахмурилась и принялась тереть снова.

– Все в порядке, – сообщил он.

Гонория вернула платок и застыла в молчании, исподлобья глядя на Маркуса. Теперь она вновь походила на упрямую двенадцатилетнюю девочку, и, ей-богу, это устраивало его как нельзя лучше.

– Гонория, – осторожно начал он, – как друг Дэниела...

– Не надо.

Вот так. Не надо. И более ничего. Он на секунду задумался.

– Почему ты упорно отказываешься от помощи?

– А ты?

Он категорически не понял вопроса.

– Ты согласился бы принять помощь? – пояснила она.

– Смотря от кого.

– От меня, – объявила она, с чрезвычайно самодовольным видом скрестив руки на груди, хотя Маркус не видел для этого никаких оснований. – Представь себе, что мы поменялись ролями.

– Если бы дело касалось вопроса, в котором ты более компетентна, я с радостью принял бы твою помощь.

Он тоже скрестил руки на груди с чувством законной гордости. Превосходная вышла фраза – миролюбивая, благожелательная и абсолютно ни к чему не обязывающая.

Маркус ждал ответа, но Гонория, немного поразмыслив, слегка покачала головой:

– Мне пора возвращаться.

– Твое отсутствие вызовет беспокойство?

– Уже должно было вызвать, – пробормотала она.

– Ах да, вывихнутая лодыжка, – вспомнил он и понимающе кивнул.

Она сердито посмотрела на него и решительно зашагала прочь. Не в ту сторону.

– Гонория!

Она оглянулась.

Изо всех сил стараясь не улыбаться, он указал ей верное направление:

– Брикстен там.

– Благодарю.

Она вскинула подбородок, резко развернулась, оступилась и, вскрикнув, попыталась восстановить равновесие. Разумеется, Маркус, не задумываясь, поступил так, как на его месте поступил бы любой джентльмен, – он устремился к ней, чтобы поддержать.

И тотчас угодил ногой в проклятую кротовую нору.

Следующий возглас принадлежал ему самому и, как это ни прискорбно, заключал в себе несколько слов совершенно определенного свойства.

А через секунду они оба рухнули на сырую землю. Гонория упала на спину, а Маркус – на Гонорию.

Не хватало еще раздавить ее! Он моментально приподнялся на локтях и посмотрел, все ли с ней в порядке. Чтобы задать ей этот вопрос, ему требовалось перевести дыхание. Между тем она тоже пыталась отдышаться. И, увидев перед собой приоткрытые губы и широко распахнутые глаза, Маркус поступил так, как на его месте поступил бы любой мужчина, – он наклонился, чтобы поцеловать ее.

Глава 5

Только что Гонория вполне уверенно держалась на ногах... Ну ладно, пусть не вполне уверенно, однако все-таки держалась. Да, действительно, она ужасно хотела скорее покинуть общество Маркуса и в спешке поскользнулась на влажной земле.

Но ей уже почти удалось восстановить равновесие, и все было бы хорошо, если бы на нее в буквальном смысле слова не налетел Маркус. Она и глазом не успела моргнуть, как получила удар плечом в живот, ахнула и упала навзничь. Вместе с рухнувшим прямо на нее Маркусом.

Кажется, именно тогда Гонория как-то вдруг совершенно перестала соображать.

У нее не было опыта столь тесного соприкосновения с мужским телом. Да и откуда бы ему взяться, скажите на милость? Возможно, иногда, танцуя вальс, она случайно оказывалась чуть ближе к партнеру, чем следовало. Однако это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило в данный момент. Маркус давил на нее всей своей тяжестью, и в таком положении вещей было нечто вполне примитивное, но, как ни странно, почти приятное.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дормиторий – спальное помещение для большого количества людей.

2

Мэриголд (Marigold) – по-английски «бархатцы», Айрис (Iris) – «ирис», Дейзи (Daisy) – «маргаритка»

3

Веленевая бумага – плотная глянцевая бумага высшего качества.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kuin_dzhuliya/tochno-kak-na-nebesah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)